

На правах рукописи

Шабанов Лев Викторович

МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

24.00.01 – Теория и история культуры (по философским наукам)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Томск 2007

Работа выполнена на кафедре истории философии и логики философского факультета ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Суровцев Валерий Александрович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Сыров Василий Николаевич

доктор философских наук, профессор
Митченков Игорь Григорьевич

доктор философских наук, профессор
Диев Владимир Серафимович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»

Защита состоится 20 сентября 2007 г. в 14 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 212.267.17 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36, Главный корпус, аудитория 119.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан «_4_» июля 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета:

В.Е. Буденкова

Актуальность темы. Молодежь – это один из самых главных движущих факторов развития внутри любой цивилизации, это растущий капитал, который социум создает ради своего будущего блага. Однако с середины XX в. наблюдается парадоксальная тенденция – «базисная часть общества» (Д. Бааке, О.Г. Заярная, И.С. Кон, Р. Мертон, А. Моль) начинает угрожать стабильности социума, с одной стороны, одновременно являясь главным двигателем социальных изменений - с другой (Г.Г. Дилигенский, С. Московичи, Е.Г. Слуцкий). Эта особенность уже заслуживает пристального внимания, тем более, что на границе тысячелетий социологи и психологи вновь отмечают возрастание уровня молодежных контркультурных объединений с явно выраженной экстремистской направленностью в своей деятельности. И это происходит во время, когда общество стало привыкать к тому, что мир предстает перед человеком гетерогенностью знаково созданных полей (Ж.-Ф. Лиотар), что социальное пространство субъекта «распылено» (Ж. Деррида).

При этом надо отметить, что вопрос о необходимости изучения самого феномена молодежной субкультуры не ставился и не ставится. Актуальным является то, что до сих пор не выработано соответствующих методологий, нет общепринятого философского взгляда на то, как необходимо изучать этот феномен.

Изучение молодежной неконформной среды началось еще в конце XIX в., когда З. Фрейд и Л. Фойер впервые заговорили о «конflikте поколений», и примерно в тот же период появились работы Ч. Ломброзо и М. Нордау, в которых молодежный неконформизм определялся в терминах психофизиологической деградации общества. В начале XX в. научное сообщество также рассматривало многозначность молодежного вопроса с точки зрения перспективы, в итоге возродилась угасшая с началом эпохи Просвещения футуристическая прогностика (П. Гартинг, Г. Тард, Д.И. Менделеев, К.Э. Циолковский, И.И. Мечников), которая то считалась ненаучным декадентством (вторая половина 30-х, начало 50-х гг.), то (к концу XX в.) превратилась в самостоятельную науку, альтернативистику, исследующую пути перехода от существующей к качественно новой модели мировой цивилизации, способной успешно преодолеть глобальные проблемы современности (Ж. Робен, доклады Римского клуба, М. Фергюссон, И.В. Бестужев-Лада). С точки зрения социально-философского анализа молодежная проблема, поднимавшаяся футурологами, рассматривалась не целостно, исследовались лишь ее отдельные сегменты. К примеру, вопросы развития семьи, предположительного «беби-бума» и демографии. Однако *de facto* на протяжении XX в. актуальность «молодежной проблемы» изменялась от психофизиологических проблем реабилитации «потерянных поколений» (1919-1924 гг. в Европе и Советской России; 1946-1950 гг. в Европе, СССР, США и Японии; 1966-1976 гг. в США) до чисто педагогических концепций и творческих изысканий, способствующих социализации молодежи через удлинение возрастных границ в фазах взросления. Современная гуманитарная наука в течение второй половины XX в. много и долго говорила о кризисности отношений в области институтов социализации, о вечном и глубинном конфликте, который ретроспективно можно проследить со времен архаики культуры и древнейших

литературных произведений типа «Царь Эдип» Софокла. При этом и философы, и антропологи, и социологи, и психологи, и историки часто упускали из вида то, что уже к 70-м гг. XX в. лагеря «отцов» и «детей» оказались настолько размыты в возрастном и социальном плане, что стало невозможно понять, о каких кризисах социализации идет речь (достаточно вспомнить идеи и постструктуралистов (Р. Барт, Ц. Тодоров, Ю. Кристева), и постфрейдистов (Ж. Лакан, Р. Селецл, С. Жижек) о контекстуальной нагруженности любых дискурсов. Но проблему молодежной субкультуры нельзя решать чисто теоретически, потому что и сложность и многообразие изучаемого материала сделали необходимым привлечение обширной эмпирики. Эмпирическую базу исследования составили работы по истории и антропологии социальных субкультур (Ф. Бродель, А. Тойнби, А.Я. Гуревич, К. Лоренц, А.П. Назаретян и др.), футурологии и глобалистики (Дж. Нэсбитт, П. Абурдин, О. Тоффлер, В.М. Лейбин). Теоретическими основаниями стали работы по философии и методологии науки (И. Пригожин, Дж. Николис, Г. Хакен, Е.Н. Князева, М.С. Каган, О.Н. Астафьева, И.С. Моросанов, Г.А. Смирнов и др.), по социальной философии и социологии (Г. Терборн, С. Лэнг, Дж. Урри, В.В. Радаев, Э. Гидденс, Л.А. Гордон, Т. Колоши, Ч. Кули, О.И. Шкаратан, П. Штомпка, В.С. Барулин и др.).

Анализируя комплекс исследовательских работ с привлечением самого различного (в том числе и антропологического) материала, мы можем констатировать, что ретроспективные исследования не смогли дать адекватный ожидаемый обществом прогноз дальнейших событий, связанных с появлением «вне-социальных» (хиппи, андеграунд, богема, попперы, толкинисты и т.д.), а потом и «антисоциальных» (панки, гопники, экстремалы и др.) течений в среде молодежных субкультур (И.Ю. Сундиев, Л.А. Радзиховский, В.Т. Лисовский). Так или иначе мы подходим к проблеме статики и динамики социальных процессов (по О. Конту), разделение которых еще в конце 80-х гг. XX в. признали условным и имеющим смысл только для историко-социологических исследований (И.С. Добронравов); точнее говоря, мы получаем статический анализ типологии структуры молодежной субкультуры, закономерности их взаимодействия, а в динамическом смысле – типологию самой молодежной субкультуры как социального института и ее функционального соответствия (по Г. Спенсену, А. Шеффле, Л. Уорду, Ч. Кули, У. Самнеру, Э. Дюркгейму, Л. Визе, Б. Малиновскому).

Исходя из динамики и статики социальных составляющих мировой цивилизации социальные науки получают не только специфические методы исследования процессов функционирования и процессов развития общественного феномена молодежной субкультуры, но и начинают говорить о различных социальных феноменах: от проблемы вариантов трансформации нормы в переходные периоды (К.Г. Юнг, Э.Фромм, Х. Ортега-и-Гассет, М. Могильнер) - к вопросу о предотвращении старения и гибели «Западной цивилизации» как мирового культурного феномена (П. Сорокин, Й. Хейзинга, О. Шпенглер, А.Д. Тойнби).

Исследуя философию социального процесса, мы опираемся на социально-философский подход, выходя за рамки как такового поля общественнознания (или его

методологических принципов). Социальная философия в этом ключе стремится опираться на весь доступный опыт, работает на создание определенного мировоззрения, ориентирующего людей в их конкретной деятельности. Однако культура, как и культуроведческие науки, также всегда фиксируют эталоны, нормы мышления и деятельности людей в данном конкретном социуме, определяя этим формы, направления, границы проявления индивидуальности. Но если воспроизводство социума есть в то же время и воспроизводство культуры, то, в свою очередь, молодежная политика как сфера особых интересов государства должна была бы эволюционно сформировать специализированную четко направленную программобразующую структуру взаимодействия на микро- и макро- уровне объектно-субъектных полей транскомуникативного взаимодействия «Молодежная референтная группа» – «Взрослая большая референтная группа», привести к четко определенному «согласию» (по Ю. Хабермасу). При этом высвобождается производительная сила коммуникаций, приводя и социум, и его части в адекватный жизненный диалог, снимающий проблему коммуникативных барьеров взаимного восприятия. Хотя говорить о полном бездействии тоже нельзя. Кроме системного анализа (Ч. Спенсер) и идей последователей неопрейдизма (В. Сатир, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон) была сформирована концепция молодежных субкультур, в которой во главу угла ставилось не позиционирование с молодыми неконформистами, а поиск точек соприкосновения интересов и сфер для более тесного сотрудничества.

Социальная философия, выступая как определенный компендиум философских концепций общества в его различных аспектах и проявлениях, методологически должна выработать схему–картину самого социального процесса развития молодежной субкультуры – а выработка этой картины представляет собой связанную и расчлененную деятельность, где сопрягаются и процесс, и результат: мировоззрение вырабатывается с помощью методологии, а методологические формы корректируются мировоззренческими установками. При этом необходимо также отметить, что исследователи социальных процессов неоднократно говорили о том, что поколение бунтарей, «пошатнувших мир», не просто повзрослело и впоследствии пришло к власти, но и воспроизвело и воспитало новое, «свободное» от социума атомизированное общество (Д.Белл, Э. Шилз, М. Мид, Ж. Липовецки, В.И. Чупров).

С одной стороны, перед нами предстает так называемая метакультурная индивидуальность – благодатная почва для формирования новых культур, но с другой – цивилизованный нарциссизм - одно из наиболее губительных явлений для любого общества (С. Мураяма, В.А. Петровский, П. Рикер). В свое время А. Тоффлер высказал предположение о востребованности «новой породы» людей в открытых динамических обществах – людей, способных создавать оригинальный «авторский» стиль жизни. Другие ученые выдвинули концепции об «инновационном формате жизнеустройства» (Э. Кастельс, П. Щедровицкий). К его исходным условиям относят фундаментальную и принципиальную непреодолимость социогенных параметров, преобладание спонтанности и необходимости действовать в открытых неопределенных ситуациях для преодоления «разорванности миров» (Л.С. Выготский).

В современном обществе такие категориальные характеристики могут иметь молодые люди любого нетоталитарного государства. Работая с таким материалом, социальная философия рассматривается как методология социально-гуманитарной познавательной деятельности. Она должна сопоставить методики отдельных дисциплин, высветить их ориентации на связанное понимание общественного процесса, испытать на постановке актуальных теоретических и практических проблем, связанных с молодежным вопросом, стремясь согласовать разные дисциплинарные представления о социальной реальности молодежной субкультуры. Поэтому, подтверждая базисность молодежного начала в динамике социальных изменений, представители интракультурного начала выделяют проблему адекватной социализации молодежи и ставят вопрос о необходимости более детального изучения молодежной субкультуры, другими словами, обосновывают проблему поиска взаимопонимания между старшим и младшим поколением через воспитание специальных качеств личности, имеющих коммуникативно-компетентный характер. (М.В. Осорина, А.Г. Асмолов, Л.В. Шабанов).

Целью нашей работы явился комплексный анализ социальных теорий и подходов к изучению характеристик, которыми определяются группы, составляющие молодежную субкультуру в общем русле социально-философского анализа.

Конечно, социальная философия, как и философия истории, выстраивает схемы общественного процесса и его обобщенные картины, определяет его черты и направленность. Но, в отличие от философии истории, социальная философия должна вырабатывать эти схемы, картины и определения, опираясь на опыт современного обществознания и, косвенным образом, - на опыт практической жизни молодых людей, их осмысления проблемности бытия, в какой-то степени используя «археологию знания» (в концепте М.-П. Фуко). Именно этим и определяется логика и последовательность постановки **задач** нашего исследования:

1) изучить характеристики групп-сегментов, входящих в молодежную субкультуру, которые бы позволили дать феноменологическое описание молодежной субкультуры для того, чтобы на основании этих данных создать философскую методологию, позволяющую адекватно изучать образования типа МНФО (молодежные неформальные объединения) и МНКО (молодежные неконформистские объединения);

2) выявить причины и обстоятельства, способствующие возникновению феномена МНФО и МНКО как особой субкультуры, что позволит нам определить основные методологические основания для изучения методов и подходов основных социальных школ и направлений, работающих в этом поле;

3) изучить особенности философских, социологических и психологических характеристик участников молодежной неконформистской субкультуры в их взаимосвязи, в том числе и с образами героев контркультуры; эти особенности позволят нам сформулировать правильное социально-философское видение проблемы in-group (изнутри);

4) на основании этих характеристик разработать типологию современных молодежных неформальных групп по степени их маргинальности относительно общества и его институтов в социально-философской методологии мета- и интракультурной включенности характеристик out-group (извне);

5) выявить характеристики методов и методологий, определяющие принадлежность группы к МНФО или МНКО, и внутренние особенности молодежной неконформистской среды в связи с социальными стереотипами их восприятия, существующими в обществе;

6) рассмотреть феномен транскоммуникативной передачи группового опыта, а также показать вариативность метафорического и адиафорического общения внутри молодежной субкультуры и передачи новым представителям того или иного объединения как основной опорный пункт при создании модели методологии в рамках обусловленной тематики данной работы;

7) рассмотреть принципы включения молодого человека в социально-значимые отношения через такой институт инициации, как молодежная субкультура, и влияние этих принципов на общую схему-картину отношений внутри МНФО/ МНКО и молодежной субкультуры в целом;

8) обозначить основные социально-философские методологические направления и подходы, а также принципы сотрудничества с представителями молодежных объединений.

Объект исследования: молодежная субкультура как социальная общность.

Предмет исследования: синтетическая теория, рассматривающая обществоведческие концепции и подходы к изучению феномена молодежной субкультуры, охватывающая социологический, социально-психологический и социально-антропологический опыт научных методов и методик исследования молодежных объединений и имеющая четкое социально-философское звучание.

Приступая к исследованию, мы исходили из следующей **рабочей гипотезы**: выявление социально-философской методологии, базирующейся на определенных особенностях, указывающих на принадлежность изучаемых групп к молодежным неформальным объединениям (МНФО) или молодежным неконформистским объединениям (МНКО) по специфическим характеристикам, позволит нам рассматривать подобные субкультурные объединения как самостоятельный институт включения молодых людей в социум, который имеет свои специфические изменения внутри молодежной среды и динамику как внутри молодежной субкультуры, так и в социуме в целом.

Проблема исследования заключается в обосновании социально-философского анализа феномена молодежной субкультуры; эта проблема может быть отражена в следующих вопросах:

- что обозначается понятием «молодежная субкультура»?
- какие подходы используются при изучении молодежной субкультуры в гуманитарных науках, каковы их возможности, недостатки?
- какие методологические принципы являются необходимыми и достаточными для характеристики структуры молодежной субкультуры в целом?
- из каких базовых элементов и составляющих состоит молодежная субкультура?

- какие особенности она имеет и как эволюционирует в пространственно-временном континууме?

- какие внутренние характеристики и внешние проявления являются отражением феномена молодежной субкультуры?

- есть ли глубинные корни формирования феномена молодежной субкультуры и отражены ли они во внешних и внутренних проявлениях самих представителей молодежной субкультурной среды на уровне общества в целом?

Теоретико-методологическая основа исследования. Социально-философское отражение такого особенного феномена, как молодежная субкультура, и поставленная цель исследования продиктовали своеобразие избранной методологии. Основываясь на необходимости объединения рассмотрения вариантов МНФО/МНКО в рамках субъект-субъектного подхода, структурно-функционального подхода, а также возможного привлечения концептов из методологических аппаратов философской антропологии, философии культуры, исторической антропологии, социальной психологии, мы использовали в качестве основных следующие методы.

1. **Метод компаративного анализа**, на основании которого проводился анализ разных методов и методик изучения молодежной субкультуры.

2. **Метод ретроспективного анализа и метод реконструкции прошлого по схемам современного рационального мышления** – как методы исторической антропологии.

3. **Метод исследования социальных типов идентификации и самоидентификации** бывших и настоящих членов молодежной субкультуры.

4. **Формально-логический и метафорический методы** определения понятий.

5. **Культурно-исторический метод**, который позволил исследовать изменения внутри феномена молодежной субкультурной среды в целом и отдельных объединений в частности, а также дал возможность исследования молодежной субкультуры как результата трансформации общества, и **метод трансспективного анализа** (А. Кроник, Е. Головаха, В.Е. Ключко), направленный на выявление тенденций развития.

Итогом использования этих методов стал анализ и синтез полученных данных.

Научная новизна данной работы состоит в том, что были выявлены основные характеристики методик исследования молодежной субкультуры. Молодежная субкультура рассматривается как существенная составляющая культуры, динамично изменяющей облик современного общества. Обоснована неадекватность большинства подходов при многостороннем анализе молодежной субкультуры, особенно в условиях постсовременности через недостаточность существующих определяющих и объяснительных моделей феномена молодежной субкультуры, часто имеющих однобокий характер. Теоретически новым является также изучение проблемы в контексте методологического подхода, реализуемого в принципе толерантности. Предложена типология в соответствии с изменившимися социально-политическими условиями общества. Впервые показано, что возникновение молодежных субкультур хотя и является следствием вынужденной

маргинальности, в рамки которой социум ставит молодых людей, но при этом «общество молодых» существует и как модус общества постмодерна, воплощая в себе основные характеристики социальности.

Такой взгляд позволит отойти от устаревших подходов, таких как теория конфликта поколений, болезни роста, традиция дионисийства, концепция социальной множественности, и перейти в сложившееся коммуникативное пространство диалогического общения в противовес существующему авторитарному стилю.

Теоретическая значимость. Выявлены основные характеристики, позволяющие идентифицировать группу как МНФО или МНКО, их взаимосвязь и взаимозависимость; индивидуальные психологические особенности каждого из представителей молодежных неконформистских субкультур; на основе этого создана типология методик, позволяющая вплотную подойти к общей методологии изучения молодежной субкультуры и ее вариантов. Методологически новым является совмещение социально-философского, антропологического, социологического и социально-психологического подходов при анализе сегментов поля, обозначенного как «молодежная субкультура». Все это позволяет прогнозировать особенности социальной адаптации/деадаптации молодых людей, членов подобных объединений, а также выявлять группы риска девиаций поведения с целью их профилактики/превенции.

Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы как основание для разработки синтетической теории молодежной субкультуры и построения линии адекватных контактов с представителями молодежной субкультуры в сфере управления и молодежной политики для проведения работы внутри молодежных неформальных и неконформистских объединений.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1) Возникновение молодежной субкультуры есть феномен, существующий в обществе и продуцируемый им, а состояние маргинальности, которая является основным фактором формирования молодежных субкультур, для молодого человека является определяющим. Несмотря на это вынужденное «промежуточное» состояние предстает как значимый элемент социальной структуры, формы организации и регулирования сообществ, имеющих четкие внешние и внутренние границы, нормы поведения, идеологию, ценности. С помощью этого социального института упорядочиваются отношения между людьми, их деятельность и поведение в обществе в целом, мы можем даже определить эти отношения терминологией устойчивости общественной жизни.

2) Маргинализация молодежной среды является рудиментом (псевдоморфозом), определяемым механизмами социализации современного общества, потерявшего традицию четкого перехода в гражданскую и юридическую «взрослость». Молодежная субкультура оказывается гораздо более сложным явлением, чем это обычно было принято считать; это особенно актуально в условиях нашего реформируемого общества, когда старые ценности уже отвергнуты, а новые еще не созданы, что и делает изучаемую проблему особенно острой. Методологический подход, базирующийся на положении о

маргинальности молодежных субкультур, а также учет общих характеристик исследованных типов МНФО/МНКО позволяет определить принципы и направления построения (общего для старшего и младшего поколений) коммуникативного пространства в условиях сотрудничества с молодежными субкультурами, что, в первую очередь, должно быть обосновано и отражено в соответствующей методологии.

3) Необходимо учитывать, что существуют четкие, с точки зрения социума, критерии разработки типологии молодежных субкультур, основанные на внешних (социальных) и внутренних (социально-психологических) свойствах, которые и характеризуют МНФО/МНКО с их специфическими особенностями, свойственными структурам маргинального типа; однако до сих пор не была выработана общая методология, позволяющая, с одной стороны, объединять опыт срезовых (фиксирующих статику) и лонгитюдных (описывающих динамику) исследований, а с другой стороны, работы с практической областью на принципах «здесь и сейчас».

4) В антинормии двух выявленных нами характеристик: «транскоммуникативная трансляция опыта» как социальный дестабилизатор (хаос) и «групповая Ригидность» как социальный стабилизатор и «успокоитель» (порядок) - они не только противостоят друг другу, но и постоянно взаимодействуют, причем таким образом, что хаотические процессы во всех сферах обнаруживают потенциальную способность к самоорганизации, к созданию как бы вторично упорядоченных структур. Подобные потенции реализуются не автоматически и не всегда, а лишь в некоторых заранее непредсказуемых «точках бифуркации», вблизи которых системы колеблются перед выбором одного из нескольких путей своего развития.

5) Через обозначенные выше характеристики динамики сегментов молодежной субкультуры МНФО/МНКО, имеющих и транскоммуникативный характер передачи группового опыта, и неизбежную стагнацию, мы можем проследить качественные изменения в поле групповых идеологий, которые выражаются в качественной смене метафоры группы на адиафору, что косвенно подтвердилось в исследованиях изменений как ведущих мифов, так и дискурса и образов героев контркультуры во временной динамике общества.

Структура диссертационного исследования: работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения; содержит таблицы и список использованной литературы (835 наименований, из которых более 100 на иностранных языках). Во Введении формулируется проблема, ее актуальность и новизна; определяются границы исследования, его объект и предмет. Первая глава посвящена проблемному обзору исследований методологических подходов молодежной субкультуры. Во второй главе отражены результаты первого этапа исследования молодежных неконформистских объединений (МНФО/МНКО) с помощью социально-психологических и социологических методик (1997-2002 гг.). В третьей главе представлена организация и результаты второго этапа исследования МНФО/МНКО (2003-2006 гг.), а также апробируется исследовательская модель. В четвертой главе дается анализ и обобщение полученной информации, а также интерпретация результатов в свете концепции социально-философской

методологии вынужденной маргинальности молодежной субкультуры. В разделе «Заключение и выводы» подробно представлен обзор основных результатов исследования, акцентируются важные положения работы, на основании которых делаются выводы относительно целесообразности и продуктивности создания общей социально-философской методологии, его теоретической и практической новизны и значимости.

Апробация работы и внедрение ее результатов. Полученные результаты были апробированы и внедрены в практику в следующих формах: выступления на I Международном симпозиуме «Психологический универсум образования человека ноэтического» (Томск, ТГУ, 27-29 сентября 1998 г.); на II-ом общероссийском конгрессе «Молодежь в XXI век» (Томск, 2000 г.); доклады на конференциях «Социальные процессы в современной Западной Сибири» (Горно-Алтайск, 2001 г.); «Профорентация и психологическая поддержка» (Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2003, 2004, 2005 гг.); «PR-Универсум 2004» (Томск, 2004); «Психическая и социально-психологическая адаптация: проблемы теории и практики» (Южно-Уральский государственный университет, 2005 г.); стендовые доклады на Всероссийской научно-практической конференции «Социализация молодежи: опыт, проблемы, перспективы» (Государственный комитет РФ по молодежной политике, 2000 г.); на конференциях «На пути к гражданскому обществу: Проблемы Молодежи XXI в.» (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2002 г.); «Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России» (Самара, 2005 г.); «Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе» (Томск, 2006). Результаты работ, промежуточные итоги и авторские индивидуальные достижения обсуждались также на ряде семинаров, рассмотрены на заседании кафедр социальной и гуманистической психологии, социологии, логики и истории философии, а также на методологических советах исторического и философского факультетов, факультета психологии Томского государственного университета (в мае, октябре, декабре 2001, марте 2005, ноябре 2006, феврале 2007 гг.). По итогам первой части исследования в 2002 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Социально-психологические характеристики молодежных субкультур». В 2005 году вышла авторская монография «Социальные характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность». Основные данные проведенного исследования изложены в 47 научных публикациях.

Основное содержание работы

В первой главе «**Основные направления в исследованиях молодежной субкультуры: актуальный ретроспективный анализ**» поднимается основной вопрос о смысле такого общественного института, как молодежная субкультура для социума в целом; показано, как эта проблема видится и изучается внутри исследовательского поля социальных наук.

Изучение процессов социально-политического расслоения ведется на базе результатов использования методик массовых опросов населения, однако получаемые материалы не дают возможности для широких теоретических

обобщений. С одной стороны, уникальность российского общества как социального объекта изучения, с другой - отсутствие фундаментальных работ по стратификационному анализу переходных (транзитивных) обществ делают невозможным прямое использование большинства исследовательских схем.

Более общее теоретическое рассмотрение процессов стратификации в РФ осуществлено в исследованиях В.О. Рукавишника (изучение динамики социального структурирования в современных обществах переходного периода), В.А. Ядова (институциональный кризис социальной структуры, многомерные модели стратификации, политеоретическое описание процессов расслоения, выявление социальных асимметрий экстернатальности — интернатальности и групповой — личностной идентификаций в современном развитии российской общественной структуры), Е.Н. Старикова (изучение маргинальности, новых элементов и структурных особенностей переходных состояний, оценка тенденций развития социальной структуры), Л.А. Беляевой, В.И. Умова (проблемы становления среднего класса в России), З.К. Голенковой (формирование гражданского общества и воспроизводство российской общественной структуры), Л. Гудкова (социологический анализ интеллигенции), М. Восленского (изучение социального слоя номенклатуры), В.Б. Пастухова (анализ феномена «новых русских»), В.И. Ильина, М.С. Комарова, В.В. Радаева, Р.В. Рыбкиной (разработка общей теории социальной стратификации).

Для решения подобных задач было необходимо изменение качественных методов исследования в рамках ряда важных научных проектов, которое произошло в 90-х гг. XX века. Это позволило разработать ряд интересных и работоспособных концептов: «рецидивирующей общественной трансформации» (Н.Ф. Наумова), «кризиса идентификации», «символических солидарностей» (В.А. Ядов), «культурной инсценировки» в формировании новых российских общностей (А.Г. Ионин), «персонального тождества советских элит» (О.И. Шкаратан, Ю.Ю. Фигатнер), «ценностного кризиса поколений», «возрастания значимости примордиальных солидарностей» (С.Г. Климова), «насильственной маргинализации» (Е.Н. Стариков). Однако эти исследования касались отдельных аспектов трансформации социальной структуры и не претендовали на целостное рассмотрение проблемы.

Все рассмотренные нами концепции в принципе были объединены в три реально функционирующих подхода (см. таб.1).

1. Структурно-функциональный подход существует почти во всех социальных концепциях, где возникает потребность в структурном анализе объекта исследования. К числу последователей этого влиятельного течения, активно применявших данную методологию при разработке проблем молодежи, относится израильский социолог Ш. Айзенштадт. Вслед за классиками структурно-функционального анализа (Э. Дюркгеймом, Р. Мертоном, Т. Парсонсом и др.) он рассматривает молодежную группу как систему позиций, заполняемых индивидами, что означает для них приобретение некоторого социального статуса и исполнение определенной социальной роли.

Значительную роль в развитии традиций структурного анализа молодежи сыграли труды российских социологов С. Быковой, В.Васильева, Ю.Волкова,

С.Гурьянова, С.Григорьева, В.Журавлева, Е.Катульского, Л.Когана, А. Колесникова, Е. Леванова, В. Лисовского, А. Маршака, В. Мансурова, В.Мордковича, Б.Павлова, В. Родионова, Л.Рубиной, М. Руткевича, Б. Ручкина, И. Слепенкова, Н. Слепцова, В. Староверова, В. Шубкина.

Таблица 1.

Три основных подхода к исследованию молодежной субкультуры, категории и описание отношений «молодежная субкультура» - «общество как большая референтная группа»

<p>1. <u>Структурно-функциональный</u> (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс). Ш. Айзенштадт (статус – роли - отношения). <u>Сторонники и критики</u>: С. Быкова, В. Васильев, Ю. Волков, С. Гурьянов, С. Григорьев, В. Журавлев, Е. Катульский, В. Клочко, Л. Коган, А. Колесников, Е. Леванов, В. Лисовский, А. Маршак, В. Мансуров, В. Мордкович, Б. Павлов, В. Родионов, Л. Рубина, М. Руткевич, Б. Ручкин, И. Слепенков, Н. Слепцов, В. Староверов, В. Шубкин, В. Алексеева, В. Павлов, В. Мухачев, Н. Блинов, И. Слепенков, В. Сбытов, В. Мансуров, К. Барбакова, А. Ковалева, Ф. Филиппов, С. Григорьев.</p>	<p>2. <u>Психоаналитический подход</u>, (Р. Бенедикт, Л. Фойер, Э. Фромм, Л. Шелефф, Э. Эриксон), раскрывающий обратную линию той же схемы только на уровне отношения не «общество – человек», а «человек – общество». <u>Сторонники и критики</u>: К. Абульханова-Славская, Г. Андреева, Л. Архангельский, Л. Божович, В. Бочарова, Л. Буева, С. Голод, Р. Гурова, И. Кон, А. Кулагин, С. Иконникова, В. Лисовский, А. Петровский, В. Ольшанский, Д. Фельдштейн, Е. Шорохова, В. Шердаков, Д. Эльконин.</p>	<p>3. <u>Политеоретическая концепция</u> молодежных субкультур, возникшая на основе синтеза приведенных выше подходов с культурологическими и социально-историческими концепциями. (Р. Мертон, М. Мид, К. Левин, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман). <u>Сторонники и критики</u>: В. Бакшуттов, В. Боровик, С. Григорьев, В. Добрынина, Г. Журавлев, С. Иконникова, И. Ильинский, В. Кабрин, А. Капто, Г. Квасов, А. Ковалева, Л. Коган, С. Кугель, В. Култыгин, Т. Кухтевич, Б. Лисин, В. Левичева, В. Немировский, Ю. Ожегов, Е. Слуцкий, В. Чурбанов, В. Харчева, А. Шендрик.</p>
<p><u>Категории</u>: Социальная «промежуточность» «включенность» - «невключенность» Системность отношений, Формальная/ Неформальная группа, Полезность</p>	<p><u>Категории</u>: Конфликт поколений Конформизм – Негативизм – Нонконформизм Конструктивность – Деструктивность Свобода от...</p>	<p><u>Категории</u>: Маргинальность Референтность – Нереферентность Право на..., Независимость, Самобытность</p>
<p>Общество стремится формализовать отношения с молодежью, а молодежь ищет новые формы неформального, неструктурированного поведения.</p>	<p>Конфликт поколений («отцов и детей»), идущий из детства и формирующий определенные комплексы нонконформного поведения.</p>	<p>Позитивным и деятельным подходом в работе с молодежью, как и с любой другой реальной группой, может быть только многомерный.</p>

В исследовании социального развития молодежи безусловной заслугой сторонников данного направления явилась разработка концепций межпоколенного взаимодействия. Предметом анализа стали тенденции формирования молодых пополнений рабочего класса (В.Алексеева, В.Павлов, В. Мухачев, Н.Блинов),

колхозного крестьянства (И. Слепенков, В. Староверов, А. Колесников) и интеллигенции (С. Быкова, В. Сбытов, В. Мансуров, К. Барбакова, Н. Слепцов, А. Ковалева), внутри- и межпоколенная мобильность (Ф. Филиппов, С. Григорьев).

Выявленные в результате исследований несоответствия профессионального статуса и квалификационной подготовки, уровня образования и материального положения, формальной включенности в структуры управления и реального участия в принятии решений — фундаментальные противоречия, определяющие характер отношений молодежи и общества. Вместе с тем нельзя не отметить ограниченность исследований, осуществленных в данной традиции, рамками социально-классовых отношений. Изучение молодежи в развитии, в целостности нуждалось в более широком социоструктурном подходе.

Введение в научный оборот понятия жизненного (психо-социального) самоопределения (В. Лисовский, Ф. Филиппов, В. Шубкин) способствовало более углубленному изучению процесса интеграции молодежи в общество. Высокую эффективность показал анализ жизненного самоопределения молодежи с применением лонгитюдной стратегии исследования. В 80-е годы коллектив ученых из 15 регионов страны осуществил такой проект, в ходе которого было опрошено 48 тыс. выпускников средних школ и средних специальных учебных заведений. Лонгитюдная методика позволила не только глубоко проанализировать процесс включения молодежи в общественную жизнь, но и проследить изменение поведения когорты, вариативность этого процесса во времени.

Однако структурный и особенно структурно-функциональный подходы в принципе ориентированы на достижение стабильности общества. Подчеркивая решающую роль возрастной дифференциации в общественном самовоспроизводстве, сторонники такого подхода, как правило, не видят в ней источника социальных изменений. Более того, любые действия, в том числе и молодежи, направленные на осуществление социальных изменений, не вписываются в равновесно-интеграционную модель социума, разрабатываемую с помощью структурно-функционального анализа. Поэтому данный метод, хотя и расширяет возможности системного исследования молодежных проблем, мало применим при изучении динамики социальных изменений в молодежной среде и прогнозировании тенденций ее развития. Эта же концепция до сих пор превалирует во многих направлениях социальной психологии и педагогики.

2. Психоаналитический подход раскрывает обратную перспективу, отношения не «общество — человек», а «человек — общество». Ученые психоаналитической ориентации основываются на выводимой из психоанализа концепции жизненного пути личности. Поэтому определение молодежи они строят преимущественно на возрастных психофизических особенностях личности молодого человека, на выводах З. Фрейда, развитых его учениками и последователями неопрейдистского направления (Р. Бенедикт, Л. Фойер, Л. Шелефф, Э. Эриксон). В частности, их усилиями дальнейшую разработку получила теория «Эдипова комплекса», которой объясняется природа межпоколенных конфликтов, осмысливаются причины агрессивности выступлений молодежи против существующего порядка, а также другие формы трансформации

(сублимации) ее энергии как источник развития. Эпигенетический принцип Э. Эриксона позволил представить развитие человека как последовательное преодоление им возрастных личностных «кризисов идентичности», вызванных несоответствием между социальными требованиями и психосоциальной зрелостью личности. Рут Бенедикт показала, что на каждом этапе развития индивид испытывает целенаправленное воздействие общества, формирующее у него определенный тип психологической зрелости, т.е. «социальный характер», присущий каждому конкретному обществу. Существенно обогатили представления этого направления отечественные ученые — К. Абульханова-Славская, Г. Андреева, Л.Архангельский, Л.Божович, В.Бочарова, Л.Буева, С. Голод, Р. Гурова, И. Кон, А. Кулагин, С. Иконникова, В. Лисовский, А. Петровский, В. Ольшанский, Д. Фельдштейн, Е. Шорохова, В. Шердаков, Д. Эльконин и др. Преодолев известный биологизм Фрейда, сторонники данного направления отечественной социологии молодежи сумели осмыслить процесс развития личности молодого человека в непосредственном его взаимодействии с социумом.

Рассмотрение молодости как особой категории, определяемой не только возрастными границами, но и специфическим социальным статусом, особенностями сознания и психологии поведения молодых людей, способствовало более углубленному осмыслению молодежных проблем, дифференцированному подходу к молодежи как внутренне неоднородной и вместе с тем специфически особой общественной группе. Выделение в ее составе различных слоев, выявление на основе исследований специфики их социального облика, особенностей сознания и поведения отдельных категорий молодых людей имело большое значение для научного обоснования дифференцированного подхода к воспитательной работе с молодежью. Это во многом предопределило возникновение в молодежной политике целого направления по всестороннему и гармоничному развитию подрастающего поколения. И хотя сама идея в ее конечной форме была достаточно утопична, все же попытки ее реализации как в исследовательской, так и в практической формах безусловно имели важные результаты. Накопленный опыт и знания послужили толчком к наметившемуся в 70-е годы системному исследованию процесса социализации молодежи, ее возрастной периодизации. Социально-психологическому изучению подверглись не только формы и методы воспитательной работы, но и процесс социализации молодежи в целом, а также такие основные ее категории, как молодые рабочие, колхозники, учащиеся, студенты, молодая интеллигенция. Именно благодаря этому удалось проникнуть в глубинные пласты молодежного сознания, наиболее полно раскрыть индивидуальность молодого человека и в меру сил способствовать его самоактуализации, преодолению его отчуждения от общества. Кроме ставших уже хрестоматийными концепций З. Фрейда, А. Фрейд, Э. Эриксона и К. Хорни, на наш взгляд, вполне уместно будет упомянуть концепции «дионисийцев» Селина и Батая, а также «перманентности революций» Г. Климова и М. Веллера. Хотя суть проблемы сегодня видится представителям этого направления уже не как пресловутый «конфликт поколений», что, правда, не

очень упрощает задачу выработки обоснованного социальными науками отношения к молодежи.

3. Антропологическая концепция молодежных субкультур появляется на основе синтеза приведенных выше подходов с культурологическими и социально-историческими концепциями. Так или иначе, но новшество этого подхода сводит проблему правильного включения молодежи в жизнь социоструктуры через взаимопонимание и, таким образом, принесение выгод обществу и пользу для молодежи. Новизна этой концепции и в том, что молодежь и общество рассматриваются здесь во взаимодействии; т.е. проблема молодежи в современном обществе (к примеру, в позиционировании концепций Р. Мертона и М. Мид) имеет два аспекта. Кроме старого вопроса «Что может дать нам молодежь?», появляется новый - «Что может ждать от нас молодежь?», и, таким образом, оба субъекта - и молодежь, и общество - по сути своей уравниваются, вынося молодежную проблему совсем на иной качественный уровень. Для ученых данного направления характерно рассмотрение социальных явлений, в том числе и специфически молодежных, под углом зрения феноменологии человеческой культуры. Развивая идеи основоположников такого подхода (А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана), социологи стремятся осмыслить мир молодежи в его сугубо человеческом бытии, в соотношении с конкретными представлениями, идеями, целями и мотивами поведения реально действующих молодых людей. Перечисленные субъективные проявления фиксируются и концептуализируются как последствия объективных процессов, отражающихся в определенных типах культуры. Соответственно сущностные определения молодежи интерпретируются в качестве форм субкультуры. При этом само понятие культуры используется в нескольких значениях — как степень усвоения социальных норм, как сумма духовных богатств, накопленных человечеством, и как способ человеческой деятельности.

Благодаря использованию культурологической традиции молодежная социология получила возможность более глубокого анализа социальных проблем молодежи во взаимосвязи с реальными процессами, происходящими в обществе. Классическим образцом исследования этого направления являются работы немецкого социолога К. Маннгейма. Исследуя феномен поколенческого единства, он раскрыл механизм социального наследования. Развитие же молодежи рассматривается им как насущная необходимость передачи культурного наследия. В соответствии со способом передачи культур от одного поколения к другому известный американский антрополог и социолог М. Мид делит все культуры на три вида: постфигуративную, кофигуративную и префигуративную. Успешно применяли и развивали данную методологию в социологии молодежи российские социологи В. Бакшуттов, В. Боровик, С. Григорьев, В. Добрынина, Г. Журавлев, С. Иконникова, И. Ильинский, А. Капто, Г. Квасов, А. Ковалева, Л. Коган, С. Кугель, В. Култыгин, Т. Кухтевич, Б. Лисин, В. Левичева, В.Немировский, Ю. Ожегов, Е. Слуцкий, В. Чурбанов, В. Харчева, А. Шендрик. В их работах доминирует традиция исследования молодежных субкультур, связанная с ценностной и мировоззренческой дифференциацией в молодежной среде (С. Кугель, А. Шендрик), делинквентной подкультуры, функционирующей в качестве

преступного слоя общества, включающего в себя часть молодежи (К. Игошев, Г. Миньковский), а также с различиями поведения, внешней атрибутики, формами проведения досуга неформальными молодежными объединениями (В. Левичева, Е. Леванов). Так, предпринятое в 60-е годы изучение жизненных планов молодежи (А. Кулагин, В. Лисовский, М. Руткевич, З. Файнбург) имело не только практическое значение, но и позволило существенно расширить представление о типологии молодежного сознания.

Вместе с тем нельзя недооценивать издержки подобного рода апологического подхода к молодежным проблемам в отечественной социологии молодежи, фактически способствовавшего утверждению гипертрофированной общественной функции многих идеологических догм и псевдотеорий, в числе которых схоластические характеристики и пропагандистские эталоны советской молодежи, ее идеалов и жизненных целей, надуманные критерии ее воспитания. По этой причине оказался недостаточно изучен значительный пласт проблем, связанных с молодежной «субкультурой протеста». Отрицая зачастую возможность распространения в условиях социализма контркультуры в традиционных для Запада формах, отечественные ученые упустили важный аспект в исследовании сущностных характеристик молодежи. Это позволяет выделить нам еще один блок; последняя группа концепций, синтезированного подхода на основе многообразия методов и методик различных направлений, внутри которой и созревает возможность многомерного взгляда на молодежную проблему, которую мы с привлечением исследовательского опыта и теоретического материала попытаемся реализовать.

Таким образом, анализ литературных данных показывает, что исследователей до сих пор интересовали лишь отдельные теоретические аспекты, связанные с возникновением такого явления, как молодежная субкультура. Однако сегодня это очень мобильная субсоциальная лава с постоянно возникающими новыми формами молодежных неформальных неконформистских объединений. Такое положение показывает, что дело обстоит не так просто, и требуется новый подход к выявлению причин возникновения обсуждаемого в данной работе сложного явления и углубленное изучение его различных сторон, т.к. без этого невозможно выработать какие-либо конкретные пути работы с девиантной молодежью. Именно этот момент, на наш взгляд, и определяет теоретическую новизну и практическую значимость реферируемого исследования. Отмеченная выше специфика предмета социально-философского изучения методологии молодежи наложила свой отпечаток и на методы ее конкретного исследования. На разных этапах становления социальной науки о молодежи широко использовались как общесоциологические теории, так и методы социальной психологии, данные антропологических исследований и наблюдений.

Во второй главе **«Молодежная субкультура: принципы построения коммуникативного пространства»** представлена попытка исследовать методологические принципы изучения поля «малая группа», причем речь идет не о культуре в целом, а о субкультуре, возникшей внутри последней и охватившей лишь определенные социальные и возрастные слои населения. В определении поля «малая группа» мы исходим из следующих позиций: формальная –

неформальная структура; конформная – нонконформная модели поведения. Основные социальные характеристики групп использованы для иллюстрации той совокупности, которую мы назвали Большой стратификационной схемой молодежной субкультуры.

Основываясь на необходимости объединения рассмотрения вариантов МНФО и МНКО в рамках методологических аппаратов философской антропологии, философии культуры, исторической антропологии, социологии, мы выбрали в качестве основных следующие методы: метод компаративного анализа – как метод социальной философии; метод ретроспективного анализа, метод реконструкции прошлого по схемам современного рационального мышления – как социально антропологические методы; метод исследования социальных типов идентификации и самоидентификации членов молодежной субкультуры – как методы социологии и социальной психологии.

Исследования молодежной субкультуры (1997-2005 гг.), которые мы проводили на материале молодежных объединений г. Томска, позволили установить явную связь внешних и внутренних характеристик МНФО/МНКО с особенностями, которые определяют феномен маргинальности. Эти результаты весьма важны в практическом плане, т.к. позволяют выявить структурные характеристики молодежных объединений, являющиеся результатом вынужденного маргинального положения молодежи в современном обществе. Они указывают на состоятельность теорий, рассматривающих саму молодежную субкультуру как некий псевдоморфоз. Все это открывает большие возможности для практической работы как с представителями той или иной группы, так и с группами в целом.

Важными факторами жизнедеятельности группы являются функционирующие в ней нормы, которые выступают своеобразными регуляторами групповых процессов, обеспечивая динамику ее развития, жизнеспособность. Также важны и дающие потенциальную способность членов группы к адаптации в социуме через согласованность групповых действий (ситуацию in-group) модели и методы оценок нормативного поведения индивида, особенности нормативного поведения членов группы, связанные с влиянием норм, разделяемых групповым большинством или меньшинством членского состава группы (см. таб. 2).

В исследованиях, изучающих социально-психологические характеристики МНКО (1997-2002 гг.), нам удалось получить стратификационную схему молодежной субкультуры. Исходя из характеристик, определяющих принадлежность группы к МНФО или МНКО (степень высокой референтности открытых групп; дезадаптация и как следствие - низкая контактность и боязнь оценки при сложном демонстративном поведении; склонность к агрессивным реакциям и оценочному поведению в качестве компенсаторных защитных мер; «зеркальное восприятие» внешних (out-group) и внутренних (in-group) ситуаций, порождающее гиперконформность), мы предложили следующую типологию внутри молодежной субкультур по степени их маргинальности.

Структурные свойства и характеристики молодежной субкультуры

Характеристики out-group	Характеристики in-group
Диахронность; Диатопность; Мультиплицируемость; Симультантность; Репликативность; Организующая идея (прикладная идеология); Общая униформа, общий сленг; Стилистика поведения «на улице»	Нормы, которые выступают своеобразными регуляторами групповых процессов, обеспечивая динамику и жизнеспособность; Потенциальная способность членов группы к адаптации в социуме через согласованность групповых действий, модели и методы оценок нормативного поведения индивида; Особенности нормативного поведения членов группы, связанные с влиянием норм, разделяемых групповым большинством или меньшинством членского состава группы; степень высокой референтности открытых групп; Низкая контактность; Боязнь оценки; «Зеркальное восприятие»; Гиперконформность; Маргинальность.

Примечание: данные характеристики, позволяют нам сформулировать следующий вопрос: кем являются члены подобных групп – **нонконформистами, несущими знамя протеста, или людьми, сознательно или неосознанно пытающимися найти свою социальную «стартовую площадку» для вхождения во «взрослый» мир, т.е. на каждый конкретный момент – «вынужденными маргиналами»?**

Коммуникативное поле молодежной субкультуры мы представили в виде большой стратификационной схемы. Как видно из анализа проблемы, структура этого поля имеет разные внешние и внутренние источники формирования, но описаны они могут быть в одном коммуникативном пространстве в виде кластеров (или субполей):

I. НЕФОРМАЛЫ, ОТВЕРЖЕННЫЕ СОЦИУМОМ – это, прежде всего, люди, которые по каким-либо причинам не смогли вписаться в общество на определенном этапе его развития, сюда же относятся союзы инвалидов. Мы выделили три наиболее четко представленных блока внутри молодежной субкультуры: детдомовцы (интернатовцы); «застрявшие» («олдовые»); криминальная субкультура.

II. НЕФОРМАЛЫ ПРЯМОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТОЛКА. В когорту входят: антиглобалисты; битники; green peace; диссиденты (правозащитники); молодежные объединения внутри политических партий, фашики, скинхэды, хип-хопперы, экстремистские организации. Есть в этой когорте и так называемые «зайцы» – те, кто присоединился к партии (как правило, во время сезонной активности на выборах) ради какой-либо выгоды (например, платы за работу). Им не интересна ни идеология, ни моральный облик партии; многие «зайцы» могут, в принципе, работать на нескольких хозяев.

III. НЕФОРМАЛЫ КРЕАТИВНОГО ХАРАКТЕРА (они же богема, самоназвание – underground) - писатели, художники, музыканты и их друзья. Наличие внешней атрибутики в данном случае оказывается слабой попыткой создать хоть какую-то

иллюзию организованного объединения (КСП; МОМА; рок-клубы). При этом с большой долей вероятности можно предположить, что даже среди самих членов такой группы нет единства, тесных эмоциональных связей и сплоченности (исключением, пожалуй, могут стать только митьки и растаманы).

IV. НЕФОРМАЛЫ НЕПРЯМОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТОЛКА: визионеры; интели; киберпанки; неприсоединенцы; панки; религиозные неконформисты; сектанты; хакеры; хиппи.

V. НЕФОРМАЛЫ НЕПОЛИТИЧЕСКОГО ТОЛКА: байкеры, байсекеры, гопники, готы, гранжеры, джанглы, индейцы, кислотники, ледетки, металлисты, толкинисты, роллеры, экстремалы.

VI. НЕФОРМАЛЫ-КОНФОРМИСТЫ: а) социальные движения, главный лозунг которых: «Мы против того, чтобы быть «против», такие как, золотые детки, мажоры, моды, попперы, форца, хайлайфисты; б) группы по интересам. Сами группы по интересам больше всего напоминают «болезнь роста» - движение очень молодое и нестабильное.

Исходя из выстроенной стратификационной схемы можно определить некоторые характерные структурные свойства групп типа МНКО: диахронность, диатопность, мультиплицируемость, симультантность, репликативность (см. таб. 2).

Вполне естественно, что группа не может существовать только на организующей идее (или какой-либо прикладной идеологии), необходимы какие-то правила и нормы поведения, общие для всех, именно они служат факторами поддержания устойчивости и целостности; Подобная конформность образует общую униформу (джинса, кожаные, т.п.), общий сленг (система, бэзар, т.п.), стилистику поведения «на улице» – ведь именно она и есть главный механизм социального контроля в группе. Именно поэтому вторая часть данной работы целиком посвящена «анатомии» молодежной субкультуры, где мы постараемся определить, кем же все-таки являются члены молодежных объединений – неконформистами, несущими знамя протеста, или людьми, сознательно или неосознанно пытающимися найти свою социальную «стартовую площадку» для вхождения во «взрослый» мир, т.е. на каждый конкретный момент – «вынужденными маргиналами».

Однако как же удастся на протяжении уже нескольких поколений ретранслировать этот опыт внутри такой динамичной группы, как молодежь? Мы предположили, что в основе процессов, движущих молодежной субкультурой, лежат характеристики типа «хаос» - «порядок». В основе этой гипотезы лежат концепции Ю.М. Лотмана и Г.С. Кнабе о вторично упорядоченных «диссипативных» структурах.

Поскольку одной из главных и важнейших характеристик МНКО является неконформизм, то вполне естественно, что в любой молодежной группе обязательно существуют отклонения от стандартов поведения (даже внутри жестких иерархических организаций).

Нам показалось, что гораздо удобнее и экономичнее свести полученные данные в два блока моделей коммуникативных сетей и их оценки нормативного поведения индивидов через влияние большинства (исходной методологией

послужили концепции Х. Ортеги-и-Гассета, С. Аша, Д. Шерифа, С. Милгрэма, Д.В. Ольшанского) и через влияние меньшинства (исходной методологией послужили концепции С. Московичи, Р. Чалдини, Э. Аронсона, Э. Пратканис).

Для модели нормативного влияния группового большинства основным содержанием определяются условия существования конформного поведения членов группы, и выявляются следующие зависимости: увеличение степени конформности при росте группового большинства, усиление децентрализации коммуникативных сетей и групповой сплоченности. Уровни конформности, которые может проследить исследователь: подчинение, идентификация и интерполизация. Оценки поведения индивидов производятся в соответствии с отношением к целям и ценностям коллектива; по единообразию поведения индивидов и результатам сравнительного и отраженного оценивания. Существенным ограничением этой модели будет то, что групповая норма может восприниматься только как некоторое правило, стандарт поведения в модели и рассматриваться как элемент групповой структуры на верхнем уровне ее стратификационного представления и функционального анализа.

Для модели нормативного влияния группового меньшинства в основу содержания положена функциональная модель социального взаимодействия индивида в группе, согласно которой его поведение есть адаптивный процесс, призванный уравновесить ее с окружающей социальной средой. В целом это влияние определяется характером отношений, складывающихся между членами группы и методами формального руководства ею. Базовую основу модели составляют следующие положения: влияние в группе распределяется неравномерно и осуществляется односторонне, а функция социального влияния состоит в том, чтобы сохранять и укреплять социальный контроль; таким образом, согласие, достигаемое благодаря взаимному влиянию, основывается на объективной норме. В одних случаях модель согласия играет позитивную роль, способствует сохранению целостности группы, а в других является тормозом в развитии группового процесса. Это позволяет рассматривать групповые нормы как своеобразный элемент групповой структуры.

Модели коммуникативных сетей в группах типа МНФО или МНКО, как правило, определяют субординационные позиции индивидов в зависимости от их расположения в системах информационных потоков, т.к. уровень информации позитивно связан с величиной официального статуса индивида в группе. Впоследствии полученный результат определяет своеобразие неформальных (формальных) отношений, в которые вовлечена группа в процессе деятельности. Наиболее важными факторами оценки группы на этом уровне являются основные составляющие уже рассмотренного ранее социального потенциала группы: оценка выполнения группой основной общественной функции; оценка соответствия группы социальным нормам; оценка способности группы обеспечить каждому ее члену возможности для полноценного развития личности.

Кроме того, с точки зрения коммуникативных подходов и по итогам исследований 2002-2005 гг., мы получили еще две устойчивые характеристики подобных групп.

1. Мы можем говорить о транскомуникативной природе передачи группового опыта внутри молодежной субкультуры, что определяется возможностью распространения себя на значительное расстояние и освоение различных пространств (диатопность); возможностью предоставлять совершенно аутентичные структуры (на информационных носителях: аудиокассеты, пластинки, CD-, DVD-, Flash-носители) и представления этой информации любому большинству людей практически одновременно (симультантность).

2. Также мы можем сказать, что одним из свойств группы типа МНФО/МНКО является ее структурная ригидность – возможность длительного самосохранения группы во времени (хиппи, панки, металлисты сменили внутри своих групповых структур несколько поколений, однако такие характеристики, как атрибутивность и прикладная идеология сохранились практически без изменения). Эти группы очень сложно собираются, но еще сложнее их дезорганизовать или привести к распаду – за период своего существования они научились репликативности (возможности регуляции своих воздействий внутри собственной системы). И, наконец, еще один важный фактор: мультиплицируемость – возможность многократного воспроизведения аутентичного содержания своей структуры.

В третьей главе «**Данные и характеристики молодежных объединений с позиции концепции вынужденной маргинальности**» мы переходим на более конкретный уровень исследования: на иерархическую структуру молодежных движений. Сначала мы рассматриваем статусно-ролевую структуру МНКО, затем личностно-смысловые отношения внутри молодежных групп, эмоциональные отношения (индивид - микрогруппа). Также анализируется культурно-историческое пространство дискурса современного общества относительно молодежной субкультуры и дается общая характеристика групп типа МНФО/МНКО с характеристиками маргинальных групп.

Рассматривается проблема кризиса духовной самобытности, который так или иначе навязывает извне во многом чуждые для той или иной культуры идеалы. А современному человеку приходится подстраивать под них свою жизнь: каким бы сильным ни было возникающее в результате чувство соучастия в жизни социума, самореализации или даже эйфории, в конечном итоге он неизбежно приходит к внутреннему смятению и обману. Особенно остро встает эта проблема в кризисные периоды переходного возраста. С точки зрения опрошенных нами в 2005 г. юношей и девушек 16-28 лет, среди кризисных явлений выделяется восемь значимых, и среди них: поступление в вуз или суз; смена места жительства; потеря близких; окончание вуза или суза; смена круга общения; физиологические состояния; сессия; конфликты с родителями или значимыми взрослыми.

Поскольку любое молодежное объединение состоит из совершенно конкретных индивидов, с которыми и предстоит работа, нам кажется чрезвычайно важным, что исследование позволило определить их социальные характеристики. Благодаря выработанной методологии нам удалось выявить два уровня таких характеристик:

Во-первых, личностный уровень. Здесь очень ярко представляется высокая тревожность; довольно низкая коммуникабельность (что, вполне вероятно, связано с отсутствием развитых навыков общения, неумением устанавливать

любые адекватные контакты и не связано с нежеланием широко общаться, т.е. интроверсией, как она понимается в социальной психологии); склонность к агрессивному и ярко выраженному оценочному поведению, что, естественно, мешает установлению каких-либо отношений и общению в целом; чувство эмоциональной изоляции, являющееся вполне логичным и естественным следствием вышеперечисленных особенностей; чувство неопределенности, неуверенности в будущем, что находит отражение в отсутствии планов относительно последнего, полагании на волю случая, т.е. жизни по принципу: «будь, что будет», «куда кривая выведет» и т.п.; чувство внешнего давления, отсутствие внутренней свободы и возможности распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению и воле.

Во-вторых, групповой уровень. Внутри молодежной субкультуры выделяются следующие важные характеристики: иерархичность (внутри любой группы) внешних и внутренних связей; степень референтности; для некоторых МНКО (типа «гопников») едва ли не самая главная – определенная внешняя атрибутика, дополняемая демонстративным поведением (а в ряде случаев – эпатажным, асоциальным и, что особенно опасно, антисоциальным).

Нельзя не обратить внимания и на обнаруженный в процессе исследования факт наличия таких важных (в теоретическом, и, что еще важнее, – в практическом аспекте) социальных характеристик молодежных субкультур, позволяющих феноменологически описать МНФО/МНКО, как референтность группы; уровень самоорганизации ее членов; их высокая тревожность; контактность, выраженная демонстративность в поведении; склонность к агрессии (во всех ее видах и проявлениях) и оценочному поведению (что зачастую является источником конфликтов не только с лицами, не принадлежащими к МНФО/МНКО, но и членами одной группировки); «зеркальное восприятие» внешних (out-group) и внутренних (in-group) ситуаций; боязнь оценки со стороны и уж тем более какой бы то ни было критики. Все это очень важные характеристики, определяющие принадлежность группы к МНФО/МНКО. Их мы отнесли к внутренним особенностям молодежной субкультуры. Именно они «ломают» существующие в настоящее время в обществе стереотипы восприятия субкультуры МНФО/МНКО.

Вполне естественно было предположить, что особую актуальность данная проблема принимает по отношению к студентам вузов и учащимся сузов, переезжающим на период обучения в другой город, так как в этот момент происходит специфическое совпадение нескольких факторов, вызывающих необходимость адаптации: отрыв от родителей и начало самостоятельной жизни – во первых, изменение типа учебного заведения и подхода к обучению – во вторых, а также включение в новую иногороднюю социокультурную среду. Происходит тотальное размежевание индивидуальной картины мира с картиной мира социальной – демифологизация взглядов на жизнь в результате прохождения маргинальных возрастных («переходный возраст»), социальных («уже не ребенок, еще не взрослый»), культурных слоев.

Мы уже говорили, что у многих народов в принципе не существует понятия «тинэйджер» (досл. «человек переходного возраста»). И здесь нам будет полезно

вспомнить об институте инициации. Инициация (от лат. *Initiare*, посвящать, вводить в культовые таинства) - институт посвячительных обрядов у примитивных народов, цель которых – передать общеприемлемые ценности и нормы поведения поколению, достигшему социального совершеннолетия (12-13 лет). Отсюда и тесная связь с половозрастным разделением труда и спецификой, определяющей социокультурные представления. Обязательными обрядами считаются:

- посвячительные церемонии для всех достигших установленного возраста;
- ритуальная изоляция посвящаемых на определенный срок (до 1 года);
- бесцензурное введение молодежи в мир преданий, таинств и культов; физические и моральные испытания посвященных;
- различия в обрядах у юношей и девушек.

Все это призвано сформировать у молодежи чувство сплоченности, причастности к делам общины, обеспечить их переход в ранг полноправного члена общества.

В европейской (нашей) традиции получается наоборот: в детях воспитывается индивидуализм и чувство соперничества. Переходный возраст не имеет четких границ (он «плывет» от 14 лет – получение неоконченного среднего образования - через 16-летие – окончание школы, 18-летие – призыв в армию, 21-23-летие – окончание вуза, вплоть до 24-28-летия – окончания аспирантуры или ординатуры), подросток может в течение 14 лет находиться внутри маргинальной ситуации, связанной с кризисной дилеммой: кто я, «поучаемый ребенок» или «распоряжающийся взрослый»? Иными словами, и в 28 лет человек может продолжать усугублять все тот же внутриличностный конфликт, что и в 14-15! Так чего же можно требовать после этого от такой цивилизации?.. На сцену большого общественного театра выходят маргинальные личности, люди, с одной стороны, усвоившие ценности двух и более конфликтующих – полярных – параллельных культур, с другой – испытывающие дискомфорт и исповедующие поведение, превращающее маргинальность в своего рода антикультурность.

Иными словами, молодой человек попадает в «промежуточную» (маргинальную) ситуацию как элемент определенного социального пространства. Переход через эту маргинальную ситуацию особенно жестко экзаменует представителей молодежи в атомизированной общественной формации. Когда-то наши социальные роли и традиционные верования были взаимоуравновешены и, таким образом, взаимозаменяемы, чем и компенсировался главный кризис перехода: получается, что «взрослость» - это инициация. Увы, в наши дни функцию древних мифологий, связанную с вовлечением индивида в некую группу, с привитием ему идеалов этой группы, с формированием его мышления в соответствии с тем или иным ортодоксальным стереотипом и, наконец, с превращением индивида в абсолютно надежный штамп взяли на себя разного рода либеральные, de-facto весьма авторитарные, демифологизированные светские институты.

Однако насколько реально адаптирующим будет являться такой институт социализации, как МНКО/МНКО, если любое отклоняющееся поведение изначально не нормировано социумом и ненормативно для большой референтной группы? Более того, в своих исследованиях мы увидели четкую тенденцию к

маргинализации молодежных групп, что также усугубляется заранее непредсказуемыми «точками бифуркации», подростковыми кризисами и переходными периодами ранней молодости, которые связаны с «Я-осознанием», «Я-пониманием», «Я-принятием» в личностном поле молодого человека. Вполне естественно предположить, что чем более усложненным становится общество, тем более сложным и долгим будет процесс социального взросления гипотетической общественной единицы или инициации (читай: полноценной интеграции) к полноправной общественной жизни молодежи.

Происходит отделение молодежи от социальных и родственных, как в культурном, так и генетическом смысле этого слова, связей: во-первых, для борьбы за освобождение личной судьбы; во-вторых, для определения своего места внутри макросоциальной общественной схемы (революционные движения конца XIX – середины XX вв., экзистенциальная философия и психология начала XX в., движения декадентов и модернистов в искусстве). Существует особый феномен транскоммуникативной трансляции группового опыта и образа того или иного МНФО/МНКО через музыку, искусство, поведение, выделяющее тот или иной субкультурный блок из общего социального порядка. Даже в ситуациях отсутствия непосредственных контактов участников (например, в случае удаленности, бедности или «железного занавеса») и без особых «межпоколенных» транзакций (мы можем наблюдать это в динамике таких движений, как хиппи, панки или гопники), что в значительной степени позволяет нам говорить о неких общих принципах внутренней динамики молодежной субкультуры: от сложных идеологий к простым поведенческим и атрибутивным, часто театрално-искусственным манифестациям.

И если в середине XIX – середине XX вв. лагеря «отцов» и «детей» были ярко выражены и индивидуализированы не только в возрастных рамках, но и на уровне духовном, атрибутивном, психологическом (появились антагонистические пары: культура – контркультура, массовое – элитарное, тоталитарное – освобожденное, официальное – подпольное), то ко второй половине XX в. получается совсем иная картина.

Уже в 60-е гг. возрастной разброс носителей «передового сознания» достигает пределов от 15 до 45 лет, а в 70-е гг. официальная массовая индустрия вообще работает на андерграунд, ввиду растущего потребительского спроса на контр- и антикультурные явления. В 80-е гг. понятие «подполье – андерграунд» сводится к нетрадиционной сексуальной ориентации и скандальному кичу. В 90-е гг. все это порождает потребительское поведение, основанное на социальном знании, подражании, конформизме, аттракции, социальной фасилитации, атрибуции и т.д. мода вдохновляет и определяет массовое поведение в рамках социальных коммуникативных сетей (мода на одежду, мода на фильмы, мода на книги, мода на идеи и т.п.). Волна ремифологизации, трансформируя тип культуры, изменила внутреннюю структуру многих феноменов. Появляется мода на самоопределение и оригинальность: «Я хочу быть необычным, как все» (одна из стратегий негативизма). мода быть «Другим без Другого», придерживаясь лишь внешней атрибутики, противопоставляя себя ценностям общества и демонстрируя отклонения от норм, фактически является демонстрацией трансформации

культурной традиции на принципах декларации гуманизма (ненормальность – нормальна, а норма – закрепощает, она тотальна и неинтересна). В исследованиях качества толерантности в различных группах (2003-2004 гг.) мы описали этот феномен как «некомпетентную толерантность», взяв за методологическую основу концепцию «наивного реализма» Л. Росса и Э. Уорда.

Получается, что, с одной стороны, молодежи навязывают позицию акселерата-потребителя (сегодня ему берут памперсы, потом игрушки, затем он сам – колу, презервативы, компьютеры и т.д. и т.п.); с другой стороны, на личностном уровне общество сдерживает развитие молодежи, загоняя в инфантилизм: низкая степень самостоятельности, низкий уровень ответственности, размытый в ролевом наборе «Я-образ», отказ от предъявления «Я-идентичности» в пользу модности и стремления максимально безопасно социализироваться.

В этой ситуации молодой человек начинает искать свои формы выражения и самореализации в каких-либо социальных формах. Недаром представители молодежи весь XX в. находились на политическом фронте, в партизанских отрядах, создавали сложные субкультурные группы, делали революции в различных социальных сферах (от искусства, одежды и перформанса, до Интернет-сетей и сообществ «Всех Цветов Радуги»). Именно со второй половины XX в. мы можем четко проследить исторический псевдоморфоз, т.е. определение или феномен, подходящий для тех случаев, когда более старая, чуждая культура, оставаясь фундаментом нового образования, основательно накладывает свой отпечаток на новую, молодую традицию. В результате новое образование постепенно задыхается и умирает из-за невозможности достижения чистых, специфичных и оригинальных форм своего самоосознания. Судите сами, символика символов сегодня чаще всего размывается в общий дизайн модного или анти-модного восприятия социального «Я» человека. П. Кеннеди назвал этот феномен: «Антиинтеллектуальная культура», он проявляется в чрезмерном внимании к удовлетворению потребительского спроса, громкости, яркости красок и развлечений в ущерб серьезному размышлению, приводит к тому, что молодежь усваивает систему ценностей массовой индустрии развлечений.

Анализируя такое качество, как устойчивость прикладной идеологии молодежных групп и объединений, мы должны четко понимать, ассоциируя ригидность с порядком (сложнособранная группа, которая через возможности саморегуляции не только достаточно стабильна, но и долговечна), что любая статика выдавливает творческие, нестабильные элементы. С одной стороны, это подпитывает и обогащает социальную Вселенную множества групп, но, с другой, происходит упрощение и выхолащивание ригидных структур, растет нетерпимость к «Другому», падают интеллектуальные и поведенческие компетенции.

В современном мире науки, массового производства, международной торговли, глобализации и расширения социокультурных связей полностью ставится под сомнение реальное присутствие социального, да и физического фона, на основе которого когда-то возникали древние системы символики. Более того, сегодня, в эпоху свободы совести и вероисповедания, геополитического смешения

религиозных общин, многонациональных государств, а также многоукладных социальных и экономических систем, нигде уже не может существовать общность людей в полном этнологическом смысле этого слова.

Правда, с недавних пор, мы стали свидетелями возвращения и извращения архаики в традициях современного мифотворчества. Светское промывание мозгов вместо схоластики, идеология вместо канона, изменения и перестройка в духе «политкорректности» архетипических образов мифа и т.п. - вот что дает нездоровую патологическую картину мира, которая на нашем личностном ментальном уровне (коммуникативные знаки: слова, образы, движения, ритмы, цвета, запахи, ощущения, поступающие извне) не стыкуется ни со средой (связь «Я» и предметного мира), ни с общей картиной мира.

Во-первых, еще с детства нам навязывается целая система заблуждений, которые совершенно не стыкуются с миром наших последующих неформальных отношений (в том числе интроекция), когда наш опыт во многом противоречит нашим знаниям.

Во-вторых, наше восприятие не может обрабатывать чуждую нам символику, превышающие размеры наших возможностей информационные потоки и т.д. и т.п. А это, в свою очередь, подводит нас к целому ряду факторов образования контр- и анти-культурных феноменов или субсоциального многополярного мира.

В-третьих, круг замыкается на новых потребностях внутри коммуникации, которые не позволили бы утянуть нас обратно в уже покинутый нами мир социальных шаблонов и навязываемых извне интерпретаций.

Поэтому нам показалось необходимым проведение трансспективного анализа дискурсов четырех эпох истории России: «Оттепель», «Застой» и «Перестройка» СССР и «Постсоветский период» РФ в 90-х гг. XX в.

«Оттепель» - эпоха публичности, Л.Б. Брусиловская называет это время – «эпохой публичных поэтов», она дала всплеск самодеятельных и публичных искусств. Однако «оттепель» могла быть только в «столицах» – городах типа Москвы, Ленинграда, Киева и т.п. Эти мегаполисы уже имели в своем социальном пространстве поле массовой культуры, здесь функционировал капитал признания, обладание которым было возможно только через выход в публичное пространство. Наиболее полноценным и всеобъемлющим публичное пространство могло быть тогда только в Москве, городе, который в это время стирал и вбирал в себя различные социальные среды, страты и корпорации. Именно там возникают всевозможные клубы и кружки, в которых часто альтернативно не только джазу и западной поп-музыке, противопоставляя себя советской эстрадной песне, появляется авторская песня (Б. Окуджава, А. Галич, Ю. Ким, Ю. Визбор, В. Высоцкий, Т. и С. Никитины, О. Митяев и др.) Благодаря авторской песне советская рок-музыка получила традицию сюжетных «мыслящих» песен. Появившееся новообразование дало толчок тенденции - первой рок-песни «Где тот край», в 1968 г. спетой группой «Сокол» («Машина времени» и «Високосное лето» пели еще по-английски).

Наступление семидесятых было обозначено нашими политологами словом «Застой», но именно это время дает всплеск большинства музыкальных и неформальных течений, а с началом 80-х гг. XX в. началось лавинообразное

появление молодежных неформальных групп. В обществе происходят новые тенденции – свертывание публичности городского сообщества (люди из дворов перемещаются в подвалы, тайгу, на север или на кухни, в курилки, туристические палаточные городки). Происходит смена доминант: «примат публичности сменяется приматом частных бесед» (С.В. Дамберг, В.Е. Семенов). Общая ментальность получает локальные прободения прикладных идеологий групп, не желающих публично афишировать себя и свои системы ценностей. Наступает эпоха приватизации публичных пространств за счет форм локальных культурных средств, часто выражавшихся не только в виде многочисленных молодежных неформальных объединений (МНФО), но такого новообразования, как молодежные неконформистские объединения (МНКО).

Восьмидесятые годы, годы «Перестройки», стали новым толчком публичности. Правда, ее вектор оказался и политизированным, и экзальтированным, и эпатажным – отсюда постепенное сползание в умах и настроениях к экстремизму и максимальной свободе. Сначала общая ментальность обретает образы всего спектра идеологий максимального количества групп, не желающих больше скрывать системы своих ценностей, однако постепенно оформляются политические блоки (демократически-реформаторский, либеральный, авторитарно-консервативный, реваншистский), куда вписывается весь этот широкий спектр большинства. Рок-музыка и даже эстрада становятся насквозь пропитанными политическими лозунгами и программными обращениями. Царящие настроения в стране можно с полной ответственностью назвать пуелиризмом (подростковый максимализм, крайние суждения и безответственность) – именно в 80-е гг. МНФО (молодежные неформальные объединения) и вытесняются «старым» новообразованием МНКО (молодежными неконформистскими объединениями). Теперь экстремизм, направленный на себя или вовне, не просто дозволен или престижен, но и ненаказуем и даже поощряем.

С падением СССР вектор вновь меняется в сторону приватности. Беззащитность и перед криминалом и перед государственными структурами, их произвол, заставляет общество уходить от публично-политических баталий и запирается в узких мирках «своих кампаний». Начинается отток людей из социально-политических структур (иногда целыми республиками и областями). Однако эта эпоха приватизации публичных пространств за счет форм локальных культурных средств часто компенсируется средствами массовой информации (радио и ТВ, интернет) и средствами личной коммуникации (пейджинг, сотовая связь, ICQ-«Аська», Чаты). Однако психоисторический процесс – проблема многоплановая, суть полидисциплинарная, т.е. требующая от разработчика определенной междисциплинарной эрудиции. В социально-философском смысле развитие общества прошло стадию публичности и перешло в стадию приватности, которая сегодня снова пытается найти выход в публичное пространство, но уже под новыми лозунгами («хочу быть оригинальным, как все») и в контексте новой моды («типа-этничность», «типа-культура», «типа-элитарность»). Именно здесь лежит странное, порой парадоксальное влияние на личность таких феноменов, как «наивный реализм» и «некомпетентная (патологическая, псевдо-) толерантность».

Кроме того, нами была обнаружена определенная вариативность метафорического и адиафорического общения внутри молодежной субкультуры, что создает коммуникативные барьеры с особыми характеристиками, не позволяющие работать в поле общего взаимопонимания и компетенций толерантных качеств коммуникаторов в деятельности по возможной конвергенции представителей МНКО и взрослого сообщества через МНФО.

Получается, что, говоря о транскоммуникативной природе группы в ее транспективной инвариантности, мы имеем дело с неким олицетворением силы хаоса, силы социально нестабильной, разделяющей однородное и референтное сообщество на групповое множество сообществ и объединений, которые также развиваются, соединяясь или дифференцируясь друг от друга, образуя сложную многомерную социальную Вселенную – Макро-Антропа. Однако необходимо также иметь в виду, что количественные изменения, не всегда могут дать позитивные изменения на качественном уровне. Например, наиболее жестко изменяющими картину молодежной субкультуры факторами транскоммуникативного воздействия являются наркоманская субкультура, деструктивные секты и организации, модные тенденции, насаждаемые негативистски ориентированным меньшинством как безальтернативные способы самореализации.

Перед нами снова встает необходимость в обнаружении группы (маленький контркультурный микросоциальный мир, где мы начинаем чувствовать себя гиперконформно и уютно – «все свои»). Внутри данной группы проще противостоять условиям внешней маргинализации до тех пор, пока мы лично не вырастем из пределов занятой субкультурной ниши.

Полученные в исследовании референтной группы молодых людей данные позволяют выделить следующие основные характеристики, постулирующие объективные и субъективные факторы (*credo u menthalis*) молодежных организаций: подвижность внутри МНФО/МНКО; тревожность, связанная с ней, боязнь оценки, демонстративность и эпатажность в поведении; острая необходимость в самоопределении личности в ценностно-мотивационной сфере; пониженная субъективная удовлетворенность в потребностной сфере; склонность к агрессии в защитных реакциях и оценках; стремление подчеркнуть свою высокую статусность, престижность своей группы, оправдать ожидания; зеркальное восприятие себя, членов своего объединения, других; чувство брошенности, покинутости, эмоциональная изоляция, социальные страхи в результате включения в принципиально новую социальную ситуацию.

Итак, полученные результаты приводят к неизбежному выводу, что в основе всех конструкторов «согласия», возникающих в результате микро- и макрокоммуникаций, структура современного общества, ведущего нетрадиционное социо-экономическое существование, кризисна изначально, в частности, по отношению к молодежной неформальной субкультуре.

Социум сам закладывает кризисность через существующие системы формальной социализации: чем больше человек проходит формальных социализирующих институтов, тем дольше он растягивает свое время инициации

(или иницирующую модель вхождения), включающую его как полноценную (читай: взрослую, сформированную) личность в общество.

Таблица 3

Маргинальные тенденции, прослеживаемые в оценках на уровне основных используемых категорий.

Поле исследования.	Данные, прослеживаемые в оценках на уровне основных используемых категорий.	Описание на основе проективных методик (Дом, дерево человек; Картина мира; Рисунок семьи; «Антикварный магазин»).
Личное чувство	1. Тревожность. 2. Брошенность. 3. Склонность в защитных реакциях и оценках к агрессивному проявлению.	Между членами семьи есть препятствия; штриховка; «Я» – наименее важная фигура на рисунке; «Я» – наиболее важная фигура, но все остальные фигуранты изображены в отдалении; расширяющиеся линии в листе, на стволе дерева.
Социальное чувство	1. Покинутость (эмоциональная изоляция). 2. Острая чувствительность.	Между членами семьи есть препятствия; «Я» – наименее важная фигура на рисунке; вместо человека неантропоморфное изображение; окружение себя чудовищами, стеной, помещение себя в «материнское лоно»; преобладание в рисунках крайней тематики «бытия» (чаще всего смерти); легкие линии в листе.
Место в макросоциальной структуре	1. Чувство неуютной стесненности (окружение незнакомыми, иногда чуждыми друг другу, людьми). 2. Чувство соперничества. 3. Неопределенность в будущем.	Вместо человека неантропоморфное изображение; агрессивные тенденции, связанные с темой «Я был особенным, а стал одним из многих»; линия жизни изображена лабиринтом; ярко выраженная острая листва; шрамы на стволе; ствол «висит» над землей; листва в виде гирлянд.

Для более яркого представления изучаемого нами феномена небезынтересно провести сравнение результатов, полученных в нашем исследовании молодежной субкультуры, с результатами исследования маргинальности в среде беженцев и мигрантов, представленных Р. Парком (повышенное беспокойство, острая чувствительность, агрессивность, ярковыраженное честолюбие, недоверие к «новому миру», крайняя эгоцентричность, нежелание понять причины своих неудач, чувство неуютной стесненности), определяющих маргинала, попавшего в некую принципиально иную среду. Для большей наглядности и удобства сравнения наших данных см. таблицу 3.

Также примечательно, что в «Опыте словаря нового мышления» в 1989 г. появляются две статьи, посвященные маргиналам; в одной из них анализируется маргинал Франции (Арлет Фарж), в другой – маргинальные группы США (обобщено Е. Рашковским). В 20-е гг. XX в. в статьях социологов США впервые появляется термин «маргиналы» как категория, обозначающая человека-личность на «обочине», т.е. за рамками, характерными для традиционной культуры данного общества. Это творческая интеллигенция, которая при первом же удобном случае

стремится «бежать» из городов Америки в старую Европу (Франция, Бельгия, Италия, Швейцария, Германия, Швеция) или на Гавайи, хотя бы на время отпуска. Недаром именно в 20-х гг. идет «экспорт» американского образа жизни в Европу – негритянский джаз, мюзиклы, кока-кола, жевательная резинка, виски, стили одежды и т.п. Именно поэтому в 30-50-гг. маргинал является представителем значительной и очень активной части общества (этнические и религиозные меньшинства, нетрадиционно мыслящие интеллектуалы, художники и научные деятели, часто ограниченные рамками общественных традиций и находящиеся не в силах реализовать свой потенциал). Американские исследователи маргинальности видели эту проблему, как фронт на рубежах несхожих форм социо-культурных пластов своего общества. В качестве патологизирующих эффектов выделялись неврозы, деморализация индивидов и групп, различные формы протеста.

Выход из этой ситуации предложила администрация Д.Ф. Кеннеди, назвав свою программу «Новые горизонты». С ростом урбанизации и общего благосостояния, с увеличением миграции специалистов и расширением свобод в самореализации должно было произойти размывание локальных культур в одну глобальную. Однако параллельно в тех же США происходит рост неформальных общественных движений, которые с 70-80 гг. во многом обретают доминирующие позиции в различных областях общественной жизни (просветительской, этнической, экологической, правозащитной, культурной, благотворительной). Начиная с 90-х гг. маргиналы в США – это нелегальные мигранты, ущемленные в гражданских правах (не имеющие вида на жительство), а также многочисленные группировки, ведущие антиобщественный образ жизни.

Понятие «маргинал» во Франции появляется в 1972 г. и понятийно описывается как «тот, кого отвергло общество, либо тот, кто отказывается быть отвергнутым». Между тем, внимание к проблеме молодежи во Франции было связано с событиями 1968 г. – т.е. исследования в этой области на 10-15 лет отставали от англо-американских. Маргинальность рассматривалась французской социальной наукой не как автономия, а как результат конфликта с общепринятыми нормами, выражение специфических отношений с существующим общественным строем. Сама маргинальность не возникает без резкого реального или вымышленного столкновения с реальностью. Этот процесс сопровождается 1) разрывом всех традиционных связей и созданием своего собственного, совершенно иного мира; 2) постепенным вытеснением за пределы законности (или насильственным выбросом). Важной для нашего исследования характеристикой будет являться и то, что маргинальность – это не изнанка общества, а его лакуны, омуты, теневые стороны (если во второй половине XX в. маргинал – это человек «с цветком в ружье», то уже в 90-х – это «новый бедный» африканец-мигрант, который выступает как латентный агрессор по отношению к культуре метрополии). Иллюстрацией к сказанному могут служить события осени 2005 - весны 2006 в предместьях Парижа.

Ниже, в таблице 4, проиллюстрировано присутствие категорий, используемых в социальных науках США и Франции для обозначения маргинальных единиц, и сопоставление с данными, полученными в нашем исследовании.

Таблица 4

Присутствие категорий, используемых в социальных науках США и Франции для обозначения маргинальных единиц и сопоставление с данными, полученными в нашем исследовании.

Категории, принятые как характеристики маргинальности в социальных исследованиях США и Франции	Данные, полученные в результате опроса по шкале понятийной динамики «у нас – у них» (экспертная оценка)
1. Находящийся не в силах реализовать свой потенциал.	1. Опасающийся реализовать свой потенциал, т.е. «лезть на рожон» или делать работу бесплатно.
2. Ограниченный рамками общественных традиций.	2. Узкие рамки видения цели, оторванность и часто неспособность к адекватным действиям в конкретной ситуации.
3. Участник неформальных общественных движений.	3. Участник неформальных общественных движений.
4. Нелегальный мигрант, ущемленный в гражданских правах (не имеющий вида на жительство).	4. Русский «не крутой» или нелегал, ущемленный в гражданских правах, не знающий законных возможностей постоять за себя.
5. Участник группировки, ведущей антиобщественный образ жизни.	-----соответствий нет-----
6. Конфликт с общепринятыми нормами, выражающийся специфическими отношениями с существующим общественным строем.	6. Конфликт нормами, выражающийся в отношении: «все нарушают, и я нарушаю, когда власти станут законопослушны, и мы станем».
7. Разрыв всех традиционных связей и создание своего собственного, совершенно иного мира.	7. Поиск традиционных связей, не девальвированных в обществе, создание своей ниши.
8. Постепенное вытеснение за пределы законности (или насильственный выброс).	8. Постепенная «легализация» себя.
9. Латентный агрессор по отношению к культуре.	9. Латентный агрессор по отношению к государству.

Таким образом, именно в этой, изначально неравноценной позиционности, когда большинство представителей молодежной субкультуры чувствуют себя изгоями (беженцами или «ушельцами»), и лежит укоренившийся стереотип «конфликта поколений». На самом же деле мы имеем дело с классической маргинальной средой, которая более подвижна и более чувствительна к изменениям стабильности внутри общества.

Если кратко резюмировать сведения, изложенные в этой главе, то мы получим следующее. Детальное изучение психологического феномена нонконформизма внутри молодежной субкультуры осуществлялось нами на двух уровнях исследования:

Во-первых, пилотажном, в процессе которого уже удалось выявить все многообразие групп и их «созвездий», основанных в рамках молодежной субкультуры, а также изучить статусно-ролевую структуру микрогрупп типа МНФО/МНКО;

Во-вторых, лонгитюдном, который позволил нам проанализировать модели и методы нормативного поведения, методики оценок позиций субъектов в группе,

кризисные периоды, социальные факторы и механизмы, собирающие и удерживающие молодежь внутри всех этих групп, обозначенных нами аббревиатурой МНКО.

Полностью подтвердилось наше первоначальное предположение о том, что большая часть представителей молодежной субкультуры оказываются в позиции вынужденной маргинальности, совершенно не связанной с набившим оскомину конфликтом поколений, нежеланием «вписываться» в существующую социальную систему, «болезнью роста» или чисто юношеским негативизмом. Главная проблема, как оказалось, находится внутри социо-культурного блока, затягивающего во времени этап взросления (социализации) в обществе в целом.

Проводя трансспективный анализ, мы предполагали выявление тенденций развития (не просто то, в чем проявляет себя процесс развития, но и потенция, которая его обуславливает). С другой стороны, тенденции указывают наиболее вероятные направления развития в пространстве имеющихся у системы возможностей, соотношенных с возможностями среды. Иными словами, факт возникновения новообразований, который классическая и неклассическая наука полагает в качестве признаков развития, тут же становящихся историческими феноменами, состоялся там, где открытая система ответила на вызовы поливариативного будущего своим внутренним разнообразием, т.е. в том месте, где между ними было обнаружено соответствие, взявшее на себя функцию причины взаимодействия. Поэтому в качестве материала для анализа проблемы, обозначенной выше, мы использовали не столько феномен рок-музыки как таковой, сколько общественные, культурные, художественные процессы, с ней связанные в их эволюции. Таким образом, это позволило нам вычленивать становление усложняющихся форм не как произвол в формообразовании, каковым бы он был, если бы допускались любые взаимодействия, - в связи с тем, что именно они (многоплановые взаимодействия личностных и социальных форм) обладают порождающим эффектом. Транспективно мыслящий аналитик по изменениям вычисляет тенденции. МНКО – это то новообразование на базе МНФО, что сделало систему другой и тем произвело переструктурирование внешнего - в среде обитания системы изменилось то, что составляет ее условия жизни. Псевдоморфоз, подобно вирусу, начинает менять внешний и внутренний облик изучаемого феномена, постепенно становясь его характерной и определяющей чертой. В том числе меняется самоорганизация человека как психологической системы: фон личности, синергетический потенциал, атрибутивность, поведение и т.п.

Другие данные, полученные в исследовании, позволили установить явную связь внешних и внутренних характеристик МНКО с особенностями, определяющими феномен маргинальности. Эти результаты весьма важны в практическом плане, т.к. позволяют выявить специфические характеристики МНКО, являющиеся результатом вынужденного маргинального положения молодежи. Кроме того, они указывают на состоятельность типологии групп по

степени их маргинальности. Все это открывает большие возможности для практической работы с представителями различных МНФО/МНКО.

Таким образом, обнаружилось, что для современного общества как никогда остро и актуально встает вопрос о выработке совершенно новых подходов в решении «молодежной проблемы», как это принято называть в СМИ и некоторых других источниках. Обществу же необходимо повернуть государство (точнее - правительство) к молодежи на уровне воли принятия политических решений, сфер бюджетной политики в следующих вопросах: социальное обеспечение интеллектуально перспективных слоев молодежи; демографически поощрительная семейная политика для молодых семей, закончивших вузы и сузы, устроившихся по профилю своего диплома или специализации; национально обоснованное реальное распределение рабочих мест относительно интересов региона; профилактика детско-родительских отношений; удобная для призывника и его региона альтернативная служба в армии с целью по возможности максимально сократить маргинальную полосу, ускоряя адекватное завершение первичной социализации для вливания «новой крови» в общественные структуры, социальные институты.

В четвертой главе **«Социально-философский анализ проблематики молодежной субкультуры в мифологическом и коммуникационном пространстве молодежной субкультуры как части современного общества»**, обсуждая результаты работы, мы попытались рассмотреть варианты пяти основных тезисов, которые были выделены нами в результате проделанной работы.

1) возникновение молодежной субкультуры есть феномен, существующий в обществе и продуцируемый им, а состояние маргинальности является основным фактором формирования молодежных объединений.

2) маргинализация молодежной среды является рудиментом (псевдоморфозом), определяемым механизмами социализации современного общества. Молодежная субкультура оказывается гораздо более сложным явлением, чем это обычно было принято считать; особенно актуально это в условиях нашего реформируемого общества, когда старые ценности уже отвергнуты, а новые еще не созданы, что и делает изучаемую проблему особенно острой. Методологический подход, базирующийся на положении о вынужденном маргиналитете сегментов молодежной субкультуры, рассматривает скорее не сам феномен маргинальности представителя молодежной субкультуры, а формы востребованной компенсации на основе инициационных практик (во многом общих для старшего и младшего поколений), которые и отражают степень взрослости и самостоятельности молодого человека.

3) необходимо учитывать также, что существуют четкие, с точки зрения социума, критерии разработки типологии молодежных субкультур, основанные на внешних (социальных) и внутренних (социально-психологических) свойствах, которые и характеризуют МНФО как социально-приемлимые группы, отклонения

которых колеблются на границе нормы, а МНКО специфическими особенностями, свойственными структурам маргинального, девиантного типа.

4) в антиномии двух вычлененных нами базовых характеристик «Транскоммуникативная трансляция опыта» как социальный дестабилизатор (хаос) и «Групповая Ригидность» как социальный стабилизатор и «успокоитель» (порядок) был введен тезис о том, что эти структуры не только противостоят друг другу, но и постоянно взаимодействуют, причем таким образом, что хаотические процессы во всех сферах обнаруживают потенциальную способность к самоорганизации, к созданию вторично упорядоченных структур. Подобные потенции реализуются не автоматически и не всегда, а лишь в некоторых заранее непредсказуемых «точках бифуркации», вблизи которых системы начинают вести себя особенно неупорядоченно.

5) через обозначенные выше характеристики динамика МНФО/МНКО, скорее всего, имеет транскоммуникативный характер вектора передачи группового опыта, что, следовательно, должно будет привести к неизбежной стагнации базовых элементов; особенно четко мы можем проследить качественные изменения в поле групповых идеологий, которые выражаются в качественной смене метафоры группы на адиафору, что косвенно подтвердилось в исследованиях изменений образов героев контркультуры.

Мы уже отмечали, что множество обстоятельств способствовало превращению молодёжных неформальных объединений в самостоятельную общественную, духовную и даже материальную силу: напыщенные словесно-идеологические формы, ожидание демократизации жизни, стремление выразить свой протест, свое разочарование и свои ожидания на принципиально новом, еще не изолгавшемся языке — на языке бытового поведения, вкусов, вещей, способов организации досуга. Именно поэтому нам показалось интересным смоделировать прописанную в транспективном ключе модель в мифологическом пространстве современного юнгианского психоанализа социального архетипа. Под «архетипом» в данном случае подразумевается не столько образ, сколько врожденный паттерн поведения в классической типично человеческой ситуации, который символизируется образами богов, героев, актеров, другими персонажами (см. таб.5).

Мы исходим из постулата, что мифы, как бессознательное выражение коллективной творческой фантазии, предоставляют нам особый материал для психологического исследования. Мифы могут рассматриваться как символическая форма саморепрезентации психических процессов, причина существования которых (в своей сущности) вряд ли может быть до конца осознана - она скрыта в человеческом бессознательном, - но мы можем зафиксировать ее как следствие. Символическая форма саморепрезентации психических процессов проявляется в мечтах, снах, фантазиях, сказках, мифах или в сознательном опыте человека.

Таблица 5.

Социально-философский анализ молодежной субкультуры и ее представителей в культурно-историческом пространстве мифов и дискурсов российского общества.

Эпоха	Характер социальных изменений на фоне личности	Мифологическое содержание эпохи и доминирующие архетипы	Организация индивидуальной субъектности (ИС)
«Оттепель»	Эпоха публичности дала всплеск самодеятельных и публичных искусств. Однако сам феномен мог существовать только в мегаполисной среде, где имела массовая культура	<i>ПРОМЕТЕИ</i> - тема героя, самопожертвование, выполнение некоей миссии человеком, находящимся в крайней ситуации выбора. «Прометей» в переводе с греческого - это промыслитель, мыслящий будущим.	Общая логика организации ИС прослеживается достаточно четко - ощущение духовно-материальной целостности мира.
«Застой»	Эпоха приватизации публичных пространств, за счет форм локальных культурных средств, часто выразившихся не только в виде многочисленных МНФО, но и такого новообразования, как МНКО.	Миф о <i>НАРЦИССЕ</i> , мотивы отверженной любви нимфы Эхо; мести богини, наказывающей эгоцентричного Нарцисса возникновением страсти, рефлексии о самом себе, повороте собственного внимания на то, что «во мне». Образ обреченности, невозможности овладеть любовным объектом, деструктивный аспект.	Конфликт с миром становится основой ИС: противоречие между субъектностью и объектностью окружающего через отношение к реальности двух миров: видимого и покоряемого, и субъектного, нерационального, но, по сути своей, идеала.
«Перестройка»	Новый толчок в публичность, но с вектором политизированным и эпатажным - отсюда постепенное сползание к экстремизму и свободе. Пуелиризм (подростковый максимализм); МНФО и вытесняются МНКО. Экстремизм и эпатаж, престижно и поощряемо.	<i>СИЗИФ</i> (дословно с греческого - «очень мудрый»). Проблемы Сизифа начинаются с желания улучшения жизни за счет опыта соседей. В финал мифа либо говорят о наказании за бурную и не всегда правильную жизнь, либо о счастье «вечного потребителя», который каждый раз, когда камень срывается с горы, радуется новым желаниям и возможностям.	На смену идеям солидарности и взаимопомощи приходит рациональность и прагматизм. Чувство ущемленности и невключенности в духовное пространство общества определило ИС как стремление к личному самоутверждению («свобода личности»), это особый мир.
«Постсоветская РФ»	Вектор меняется в сторону приватности. Беззащитность перед криминалом и государственными структурами, их произвол заставляют уходить от публичной рекламы своего образа жизни в узкие мирки «своих кампаний». Новая демифологизация, результат прохождения маргинальных слоев, тенденция к упрощению, поверхностности.	<i>ЭПИМЕТЕЙ</i> и <i>ПАНДОРА</i> . Миф о наказании за нарушение Завета, за отступничество, за стирание реальности. Эпиметей, брат Прометей, недалекий, примитивный (дословно - смотрящий назад, задним умом крепкий), который поспешил жениться на глупой, но красивой Пандоре, (дословно - всеми одаренная). Среди подарков находился известный ящик, в который Прометей с большим трудом заключил все беды человеческие.	Источники субъектности человека локализируются в тело. В стремлении бороться с миром и в страхе быть зависимыми от него люди спрятали все свои основания в самих себя. Теперь человек может двигаться «свободно», разрушая и перестраивая окружающий мир по своей воле, не беспокоясь о том, что разрушает этим основы своей жизни.

С другой стороны, в современной молодежной субкультуре мы видим еще несколько мифологических сюжетов (голливудский ГЕРОЙ-ОДИНОЧКА боевика, голливудский и латиноамериканский ГЕРОЙ С МАССОЙ РОДСТВЕННИКОВ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, разыгрывающихся в сериалах; российский ГЕРОЙ-БЕЛАЯ ВОРОНА со странными помощниками, но при этом одаренными небывалым даром правды и ловкости. У всех героев есть свои причины, им необходимо знать, как с минимальными потерями не только освоить подлежащее пространство, но и получить множественные выгоды. Вспомним хотя бы теорию инструментальной агрессии, основным мотивом которой является достижения какой-либо позитивной для своей референтной группы цели. Самая позитивная цель на самом деле – это новые рынки сбыта, безопасное продвижение своего бизнеса и непотворение злу насильем того государства, которое находится на осваиваемой территории; люди со своими индивидуальными психологиями, маниями и фобиями в расчет при такой игре не берутся – это упрощенная «киношная» модель биологического выживания видов; естественный отбор. Именно для этого воспитывается слой компрадорской буржуазии и чиновничества, и именно с этой целью компрадоры призывают основное население к модной сейчас толерантности к соседям, призванным сюда «осваивать пустующие территории».

Образ АПОЛЛОНИЧЕСКОГО БОЖЕСТВА при всей его архаичности, на наш взгляд, только входит в свой традиционно трактуемый образ (светлый женоподобный юноша, нежный и утонченный). Сегодня Аполлон восходит к комплексу тинэйджера, который очень изменчив под ветрами моды, эпатажен, не предсказуем в своих поступках и поэтому не несет ответственности за свою спонтанность. Близкими по своему характеру комплексу негативиста оказался: КОМПЛЕКС ОККУПАНТА, который описывается в следующих понятиях: Конкистадор, разделяющий себя на элегантного, культурного, модного в мире своих и кровожадного в своей безнаказанности вандала в мире чужих (У. Эко); Рыцарь, подобно некогда Крестоносцам, несущий новую идею, разделяющий людей на своих и чужих по их идеологии и образу мира (Ю. Лотман); Колонизатор, разделяющий мир людей на высших, несущих свет культуры, и низших, которые обязаны окультуриться или умереть (Р. Дарендорф).

Эти «пришельцы» всегда решительны и вооружены, потому что для них мир, в который они вошли, – это frontier, граница мира, граница цивилизации, граница освоенного пространства. И довод у них только один: все вокруг чужое, а значит, опасное - иная планета, иной материк, чужая флора, фауна, территория. Их лучшая защита - это активное оборонительное наступление. Правило идентификации тоже одинаково для всех: враг - тот, кто нападает, а нападением считается все, что мешает, все непонятное и все непонятое. «Аполлону» не нужно понимание того, что «Чужой», являющий собой ужасное чудовище, – всего лишь «местный житель», обитатель осваиваемого ими мира, он живет у себя дома.

Смещение человеческого и божественного далеко не случайно. Мы ощущаем присутствие божества, не являясь богами. Легенды говорят о зависти богов, ангелов, бесов и т.п. к человеческому опыту, но тот же опыт показывает на деле обратное: мы не бессмертны, мы не имеем божественной власти, мы не можем сотворить чуда. Отсюда огромное количество мифов и образов, связанных через

прохождение молодых героев к взрослой жизни путем множества нарушений законов и испытаний. Поиск себя, определение своего места, индивидуация и субъектность не могут приобретаться без подобного рода событий.

Инициация – это и дифференциация себя от другого «детского» мира, это проход через легенду, переживания *borderline* - пограничного состояния (рождение – смерть - возрождение). Это движение сквозь сказку – волшебный мир фантазии и обыденного восприятия нереальности, которая описывает всю последующую жизнь героев одной скучной малозначительной строчкой: «и стали они жить-поживать да добра наживать» во взрослом мире своих родителей, которые состарятся и в мудрости своей покинут этот материальный мир. Во многом это путешествие по дороге индивидуации и конъюнкции проходит через столкновение с «Тенью».

Однако не стоит выпускать из вида еще один очень важный сюжет. Гюгенбюль-Крейг его описывает так: «младенец, находящийся в самом неопределенном положении, некрещеный ребенок, который никогда не сможет попасть ни на Небеса, ни в Ад, ни в Чистилище. Этот младенец странствует туда и обратно всю вечность между Адом и Раем. Так как он не был крещен, то не может попасть в Рай, а умерев при рождении, не имел возможности совершать грешные поступки, а потому не мог оказаться и в Аду» - т.е. архетип, отражающийся в комплексе *ИНВАЛИДА*.

Инвалидность - это постоянное болезненное состояние, но также и гротескно искаженное нечто, что эпатирует, что бросается в глаза, как «не такое, как все». Чаще всего здоровье мы воспринимаем как противоположность инвалидности. Люди делятся на здоровых целостных представителей большинства и на неких дефектных, полных внутренних лакун, представителей меньшинства. Правда не стоит смешивать инвалида с архетипом ребенка. Конечно, ребенок, подобно инвалиду, слаб и находится в подчиненном состоянии относительно взрослых, также он, не имея сколько-нибудь значимых качеств, не обладает всеми правами и обязанностями взрослого. Однако ребенок растет, изменяется, учится, становится взрослым. Он всегда обладает неким Будущим; грядущей перспективой. Инвалид же ищет себя в другом – его идентификация связана со своеобразным «костылем», который способен в той или иной мере компенсировать врожденную или приобретенную неполноценность. Другой момент заключается в том, чтобы не путать архетип инвалида с архетипом болезни. Болезнь во многом подобна ребенку – имеет будущее: приводит к смерти, к выздоровлению, к инвалидности. При этом она – временная, проходящая угроза, динамичная, острая, но проходящая. Инвалидность не ведет никуда: ни к смерти, ни к исцелению – она хроническое ощущение пребывания «между Раем и Адом» в бесконечно «неисправленном состоянии».

Архетип инвалида чаще всего имеет связующие нити с архетипом героя. Это, с одной стороны, две противоположности: «слабый» и «сильный», но, с другой - очень похожие персонажи. Герой – это тот, кто бросает вызов судьбе. Нашему ребенку (архетипу) хочется что-то совершить из забавы, но при этом уйти из-под ответственности (которая наступает вместе с инициацией, вводом его в мир взрослых). Нашему герою хотелось бы совершать подвиги, покорять и править,

получая заслуженное уважение и коллекционируя награды (ведь победителей не судят). Правда и тот и другой склонны ввязываться в геройства необдуманно, относясь к подвигу по-детски. Хотя здесь герою должно быть понятно, что плохие поступки есть те границы, которые мы исследуем при изучении нравственности своей и окружающих (Геракл, святой Франциск Ассизский, Родион Раскольников).

Иногда архетипические темы «ребенок-герой-инвалид» совпадают (преданный и расчлененный Озирис, лишенный гениталий, хитроумный коротконогий Одиссей, сын Гермеса и Афродиты Приап, не владеющий собой маг Мерлин, обезноженный богатырь Илья Муромец). Но герой, бросая вызов судьбе, всегда знает, что он обречен. Поэтому рано или поздно он либо превращается в инвалида (слепнет царь Эдип, остается без руки ас-воин Тюр, унижен и деинфляционен князь Игорь), либо погибает (герой Трои Ахиллес, рыцарь Роланд, принц Гамлет, воин-монах Пересвет).

Но такое секвестирование ведущего архетипа всего лишь взросление, личностный рост. Иными словами - осуществляется переход от одного правящего архетипа к другому; архетипическая смена караула происходит пышно и торжественно (через эрос, инсайт, катарктические переживания, меняющие внутренний и внешний миры), это усиливает значимость и глубину процесса. Существуют ритуалы инициации, когда ребенок становится взрослым; например, представляющие мальчика уже человеком зрелым. Другие – знаменуют переход в самостоятельность через брачный церемониал (от церемоний, посвященных достижению половой зрелости религиозных индейцев, до брачных игрищ Папуа-Новой Гвинеи). Обряд католической конфирмации (введение во храм, второе крещение у баптистов, причастие общине). Военская служба, особенно ее начальный этап.

Однако есть люди, которые испытывают боязнь к переживанию психического развития, которые уклоняются от ритуала, видя в нем формализующее убивающее начало. Отвержение этих общественных ритуалов перехода часто расценивается как некая оригинальность, нестандартность и сомнение в целесообразности общепринятых нравов. Хотя, скорее всего, неприятие направлено не на общепринятые ритуалы, а на собственное развитие. Личность накладывает мораторий на смену ведущего архетипа. Можно сказать, что мы имеем дело с фобией развития (младший сын Урана Кронос, боявшийся своих взрослеющих детей; средневековый Король-рыбак в ускользящем между временем и пространством замке, где хранился Святой Граалем; славянский бог молодых воинов Радегаст; вечный мальчик Питер Пэн с острова Где-то-Там).

Другим комплексом, напрямую связанным с инициацией является ПРИАП. Приап, как и потерянный phallus Озириса, является лишь частью божественного образа, который эволюционирует (как образ Диониса, развивающийся от бородатого мужчины до прекрасного юноши).

В античные времена, когда люди поклонялись богу Приапу, этот юношеский образ, вероятно, культивировался осознанно и являлся общепризнанным эстетическим идеалом, что не совсем соответствует западной культуре XX в. Верно, что образ мужчины-юноши появился как физический идеал и в психике

отдельных индивидов, и в отдельных семьях (особенно если взаимоотношения между матерью и сыном приобретают сексуальную окраску), и в некоторых, в основном, гомосексуальных, культурах. Однако на современном широком культурном уровне «почитается» скорее психика мужчины-юноши, а не его тело, как в Греции и Риме. Другими словами, наши обычаи (ритуалы, церемонии) перехода во взрослость испорчены и неэффективны.

«Часто говорят, что одной из отличительных черт современного мира является исчезновение каких-либо значимых обрядов инициации (посвящения)», — пишет М. Элиаде. Дж. Хендерсон в книге (Thresholds of Initiation) документально подтверждает усилия психического компенсировать подобное явление, в то время как Т. Вангаард (Thor kil Vanggaard) рассматривал сами результаты фаллической инициации и их недостаточное воздействие на развитие мужского в западной культуре. Например, еврейская бар-митцва, по-видимому, является наиболее широко практикуемым обрядом, сохранившимся сегодня на Западе; но после его совершения юноша приходит домой, в свою семью, чтобы жить точно так же, как и до обряда. Нигде не существует формального необратимого перехода от материнской зависимости к зрелой фаллической свободе.

Таким образом, от поколения к поколению мужчины остаются юношами в психологическом смысле на протяжении длительного периода времени, если не на всю жизнь, в то время как фаллос с необходимостью делается независимым комплексом, вечно удерживающим мужчин в беспомощной зависимости по отношению ко всем видам силовых упражнений и спорту.

Анализируя подобный феномен искусственно созданного обществом «растягивания» социализации, мы вновь сталкиваемся с вынужденной маргинализацией молодежи. Полученные в нашем исследовании данные об анатомии молодежной субкультуры позволили нам определить, кем же на самом деле являются члены молодежных движений: это люди, которые сознательно или неосознанно пытаются найти свою социальную «стартовую площадку» для вхождения во «взрослый мир», т.е. на каждый конкретный момент каждый из них до получения статуса взрослого или зрелого человека как будто «подвисает» в ситуации «вынужденной маргинальности» переходного периода. Таким образом, подтвердилось наше предположение о вынужденной маргинальности молодежной субкультуры.

Результаты практического исследования показали также, что молодежная субкультура гораздо более сложное явление, чем это было принято считать до сих пор. Социально-психологические, политические, экономические условия, существующие в РФ сегодня, приводят к еще большему нарушению отношений в сфере «взрослый – формирующаяся личность» (взрослое общество – молодежная субкультура), вынуждая последних к адаптации с помощью особого механизма – молодежной субкультуры, подпитывающей различные виды МНФО/МНКО, что усугубляет ситуацию с каждым последующим поколением.

Как уже указывалось, анализ методологических подходов и методов изучения молодежной субкультуры отражает своеобразный механизм адаптации, вызванный к жизни состоянием вынужденной маргинальности, в которое молодые

люди попадают по вине самого общества, получая ложную систему ценностей и, становясь катализатором культурного псевдоморфоза внутри большой референтной группы, деформируя не только культуру, но и сам институт включения личности в социальные отношения.

На основании вышеизложенного нам удалось выделить внутри молодежной субкультуры не только различные группировки, но и получить четкие разграничения в их характеристиках. Полученные результаты показали, что доминирование тех или иных молодежных объединений зависит не только от специфики, если можно так выразиться, региона нашей страны, но и эпохи, доминирующего мифа, образов героев контркультуры.

В Заключении подводятся общие итоги проведенного исследования, делаются общие выводы, формулируются практические предложения, намечаются перспективы дальнейших изысканий по указанной теме.

Перед нами предстал сложный социальный объект – молодежная субкультура, внутри которой мы исследовали характерную фундаментально доминирующую структуру, которая, начавшись как псевдоморфоз, новообразование, постепенно стала одной из определяющих базовых частей этой самой субкультуры. Эта структура сложилась во времени, стала упорядоченной, с относительно устойчивой системой связей, характерных как для групп, в нее входящих, так и для ее представителей, и отношений между различными элементами общества как целого глобального мира: между отдельными индивидами и социальными общностями людей, классами, социальными макрогруппами, имеющими характеристики, например, аудитории или толпы.

Подводя общие итоги, говоря о методологии изучения молодежной субкультуры, необходимо отметить, что мы только попытались исследовать одну из самых сложных проблем современного общества – феномен молодежной субкультуры и анатомию многочисленных ее сегментов, выраженных как МНФО или МНКО и возникающих на ее основе. На наш взгляд, создание общей методологии молодежной субкультуры - проблема чрезвычайно важная и актуальная. Ведь молодежь – это один из самых главных движущих факторов любой цивилизации. Именно эта весьма своеобразная особенность и определила наш научный интерес к молодежным неконформистским объединениям и социально-философскому анализу характеристик типов этих объединений, входящих в молодежную субкультуру.

Говоря о важности разработки методологии изучения молодежной субкультуры для углубленного понимания философии современного молодого человека, нельзя не отметить тот факт, что многие исследователи серьезно сужают ее, сводя все ее многообразие к пресловутому конфликту «отцов и детей», не учитывая при этом все многообразие внешних и внутренних факторов, вызвавших к жизни изучаемый феномен. Такой подход не позволяет полноценно раскрыть механизмы образования малой группы, которой, по сути, является любая МНКО.

Тем не менее, анализ специальной литературы, подходов и методик по проблеме показал, что изучение ее проводилось лишь по отдельным аспектам, фрагментарно, а полученные выводы носят теоретический характер, не связанный с практическим применением. В то же время результаты нашего теоретического

исследования показывают, что видение существа проблемы через призму конфликта поколений уже устарело и требуется углубленное изучение причин и обстоятельств возникновения феномена молодежной субкультуры.

В нашем случае весьма важным оказалось понятие «нонконформизм», которое мы понимаем не столько как оппозиционирование среде, сколько как особую форму социальной адаптации, внутри которой «идет» позитивный личностный рост, когда маленькое «Я» ребенка обретает себе дополнительное, более мощное социальное тело в виде группы сверстников. Это явление вызвано к жизни тем, что, во-первых, они лучше понимают проблемы друг друга; во-вторых, именно в группе образуется «коллективное «Я», сильное и уверенное в себе.

Другим немаловажным понятием стала «инициация», которую мы рассматривали и как своеобразный этап вхождения индивида во взрослую жизнь, который проходит вместе с такими личностно значимыми феноменами, как социализация (т.е. не только включение объекта в социальные отношения, но и его последующий переход в позицию субъекта, активно транслирующего свой опыт в группе и обществе) и социальная адаптация (как приспособление, приведение в соответствие с прикладными нормами и статусами своего поведения).

Третьим, введенным нами в исследовательское пространство, было понятие «псевдоморфоза», т.е. ложного новообразования, которое во многом девальвирует и подменяет свою предыдущую материнскую матрицу. Подобные образования, обладающие внешней выраженной формой, чуждой слагающей их структуре, образуются путем заполнения ниш и социальных пустот, оставшихся от каких-либо маркеров МНФО или МНКО (псевдоморфозы заполнения) – здесь и вполне безобидные байкеры, роллеры, байсекеры, и религиозные сектантские движения, возникшие при слишком высоком уровне кодификации как компенсирующие поиск смысла жизни секты. Псевдоморфозы также возникают в результате замещения одной прикладной идеологии – другой (хиппи, панки, металлисты и пр.); при этом значительная часть движения, замещенного новообразованием, входит в состав замещающегося (псевдоморфозы превращения) – неформалы, креативные объединения и группы по интересам; или выносятся полностью как новое (псевдоморфозы вытеснения) – интели, коммунары, яппи, попперы, моды.

Четвертым понятием, привлеченным нами, стало понятие «маргинальности» (от французского *marginal* — побочный, на полях), определяемой обычно в терминах «незначительный», «несущественный», «промежуточный». Мы рассмотрели весь спектр характеристик маргинальности от антисоциальной группы (см. гл. 2 - отверженные социумом) до групп нестандартного поведения (митьки, торчки и т.п.). Во многом чувство маргинальности для молодежи перестает быть вынужденным негативным состоянием: поколения, родившиеся, выросшие и живущие в условиях непрекращающихся реформ, видят в своем маргинальном положении некое инициационное пребывание в точке полифуркационного выбора своей будущей взрослой жизни.

Рассматривая варианты МНФО и МНКО внутри молодежной субкультуры, мы изучили опыт градаций и системных оценок молодежных объединений. Наиболее удачной в этом плане, на наш взгляд, является выстроенная нами большая стратификационная схема молодежных движений, которая явилась

попыткой отразить максимум разнообразия внутри молодежной субкультуры второй половины XX века.

Исходя из характеристик, определяющих принадлежность группы к МНКО, таких, как степень высокой референтности открытых групп; дезадаптация и как следствие - низкая контактность и боязнь оценки при сложном демонстративном поведении; склонность к агрессивным реакциям и оценочному поведению в качестве компенсаторных защитных мер; «зеркальное восприятие» внешних (out-group) и внутренних (in-group) ситуаций, порождающее гиперконформность, мы предложили принципиально новую типологию молодежных субкультур по степени их маргинальности относительно mainstream социума: I. неформалы, отверженные социумом; II. неформалы прямого политического толка; III. неформалы креативного характера; IV. неформалы непрямого политического толка; V. неформалы неполитического толка; VI. неформалы-конформисты.

Результаты практического исследования показали также, что молодежная субкультура гораздо более сложное явление, чем это было принято считать до сих пор. Социально-психологические, политические, экономические условия, существующие в РФ сегодня, приводят к еще большему нарушению отношений в сфере «взрослый – формирующаяся личность» (взрослое общество – молодежная субкультура), вынуждая последних к адаптации с помощью особого механизма – молодежной субкультуры, подпитывающей различные виды МНКО, что усугубляет ситуацию с каждым последующим поколением.

Как уже указывалось, анализ методологических подходов и методов изучения молодежной субкультуры отражает своеобразный механизм адаптации вызванным к жизни состоянием вынужденной маргинальности, в которое молодые люди попадают по вине самого общества, получая ложную систему ценностей и становясь катализатором культурного псевдоморфоза внутри большой референтной группы, деформируя не только культуру, но и сам институт включения личности в социальные отношения.

Это особенно четко отразилось в предложенном методологическом описании дискурсов четырех эпох советского и постсоветского общества РФ через доминирующий (ведущий) архетип (Прометей, Нарцисс, Сизиф, Эпиметей и Пандора), нам удалось проанализировать как феномен появления неформальных, а после и нонконформных групп, так и его направленность в поле «индивид - группа» (новообразование, прикладная норма, псевдоморфоз). Это позволило нам в определенных, с одной стороны мифологическом, с другой – наиндивидуальном, ракурсах показать главную проблему современного, ориентированного на западные форматы цивилизации, общества. А именно, растягивание социального «детства» в режиме социализации личности, когда институты инициации не связаны с такими качественными характеристиками личности, как индивидуация и субъектность. От поколения к поколению мужчины остаются юношами в психологическом смысле на протяжении длительного периода времени, если не на всю жизнь (Аполлонические и Приапические варианты мистерий), в то время как женщинам навязывается маскулинная ролевая комплементарность подростка с необходимостью самоактуализации в архетипе Пандоры (соответственно, Элевсинские и Оргиастические мистерии).

С точки зрения социально-экономических процессов, общество получает подростка-акселерата, который нацелен на активное широкое потребление моды и контркультуры в поле «потребности - удовольствия», и инфантильного «взрослого», которого необходимо активно адаптировать и социализировать по линии «успех - поражение».

Получается определенный парадокс: на групповом уровне поля молодежной субкультуры мы выделяем такие характеристики, как иерархичность внешних и внутренних связей, степень референтности, определенная внешняя атрибутика, дополняемая демонстрацией «незакомплексованности» в контактах с внешней средой и свободы самовыражения; на личностном же уровне мы видим высокую тревожность, довольно низкую коммуникабельность («закукленность»), интровертивную направленность индивидуации; склонность к инструментальной агрессии и выраженному оценочному поведению.

Все эти характеристики личности (чувство неопределенности, неуверенности в будущем) сами по себе маргинальны. А чувство внешнего давления при подобной степени переживания отсутствия внутренней свободы и возможности распоряжаться своей судьбой должно было бы привести к глобальному социальному конфликту. Однако внешняя социальная стабильность, которую демонстрирует сегодняшняя молодежная субкультурная среда, позволяет нам сделать вывод о сползании молодежной субкультуры в имитационное поведение (игра в несогласных) и атрибутивность (мода на демонстративность). Сами же процессы, дифференцирующие многообразие субкультурных феноменов молодежной субкультуры, уже сейчас начинают нивелироваться, превращая основную массу молодежных движений в макросоциальный набор способов самовыражения среднестатистического представителя молодёжи (группы по интересам).

ВЫВОДЫ:

1) Возникновение молодежной субкультуры есть феномен, существующий в обществе и продуцируемый им, а состояние маргинальности, которая является основным фактором формирования молодежных субкультур, для молодого человека является определяющим. Несмотря на это вынужденное «промежуточное» состояние она предстает как значимый элемент социальной структуры, формы организации и регулирования сообществ, имеющих четкие внешние и внутренние границы, нормы поведения, идеологию, ценности. С помощью этого социального института упорядочиваются отношения между людьми, их деятельность и поведение в обществе в целом, мы можем даже определить эти отношения терминологией устойчивости общественной жизни.

2) Маргинализация молодежной среды является рудиментом (псевдоморфозом), определяемым механизмами социализации современного общества, потерявшего традицию четкого перехода в гражданскую и юридическую «взрослость». Молодежная субкультура оказывается гораздо более сложным явлением, чем обычно было принято считать; особенно актуально это в условиях нашего реформируемого общества, когда старые ценности уже отвергнуты, а новые еще не созданы, что и делает изучаемую проблему особенно острой. Методологический подход, базирующийся на положении о

маргинальности молодежных субкультур, а также учет общих характеристик исследованных типов МНФО/МНКО позволяет определить принципы и направления построения (общего для старшего и младшего поколений) коммуникативного пространства в условиях сотрудничества с представителями молодежной субкультуры, что, в первую очередь, должно быть обосновано и отражено в соответствующей методологии.

3) Необходимо учитывать, что существуют четкие, с точки зрения социума, критерии разработки типологии молодежных субкультур, основанные на внешних (социальных) и внутренних (социально-психологических) свойствах, которые и характеризуют МНФО/МНКО специфическими особенностями, свойственными структурам маргинального типа; однако не была выработана общая методология, позволяющая, с одной стороны, объединять опыт срезовых (фиксирующих статику) и лонгитюдных (описывающих динамику) исследований и работы с практической областью на принципах «здесь и сейчас».

4) В антиномии двух вычлененных нами характеристик: «транскоммуникативная трансляция опыта» как социальный дестабилизатор (хаос) и «групповая ригидность» как социальный стабилизатор и «успокоитель» (порядок) не только противостоят друг другу, но и постоянно взаимодействуют, причем таким образом, что хаотические процессы во всех сферах обнаруживают потенциальную способность к самоорганизации, к созданию вторично упорядоченных структур. Подобные потенции реализуются не автоматически и не всегда, а лишь в некоторых заранее непредсказуемых «точках бифуркации», вблизи которых системы начинают вести себя особенно неупорядоченно, колеблются перед выбором одного из нескольких путей своего развития.

5) Через обозначенные выше характеристики динамики сегментов молодежной субкультуры МНФО/МНКО, имеющих и транскоммуникативный характер передачи группового опыта, и неизбежную стагнацию, мы можем проследить качественные изменения в поле групповых идеологий, которые выражаются в качественной смене метафоры группы на адиафору, что косвенно подтвердилось в исследованиях изменений образов героев контркультуры.

Иными словами, мы сталкиваемся с некоторыми условиями, которые нивелируют дифференцирующие процессы внутри молодежной субкультурной среды, превращая ее в аморфное социальное образование, которое по своей природе изначально имело характеристики псевдоморфности. Анализируя это проблемное поле, мы вновь вплотную приближаемся к проблеме ментальности и иерархичных полярных размежеваний макро-, кросс-, субкультурных феноменов в среде большой референтной группы, напрямую связанных с изменениями в самом обществе на уровне таких социально значимых полей, как сплоченность и идеология, демография и проблема традиционной семьи, перспектива социальной стабильности, опасность социальных деприваций (революции ожиданий), anomia.

Особенности МНКО, выделенные нами в результате социально-философского анализа, как раз и могут оказаться теми точками опоры, на которые следует делать акцент в создании общей методологии молодежной субкультуры. С целью не только изучения этого феномена, но и превенции асоциального поведения лиц молодого возраста необходимо специальное обучение сотрудников, работающих в

сфере молодежной политики технологиям выявления этих характеристик сегментов молодежных субкультур – МНФО (молодежное неформальное объединение)/МНКО (молодежное неконформистское объединение), а также типов последних. Все это легло в разработку общего социально-психологического анализа молодежных субкультур.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Шабанов Л.В. Молодежная субкультура в свете концепции вынужденной маргинальности// Сибирский психологический журнал. – Томск, 2001. - Выпуск 14-15. - С.13-21.
2. Шабанов Л.В. Молодежная наркомания как социальная проблема// Сибирский психологический журнал. – Томск, 2003. - Выпуск 18. - С.23-26.
3. Шабанов Л.В. Средовой подход в психологии и его роль в формировании толерантных экологических пространств// Сибирский психологический журнал. Томск, 2004. - Выпуск 20. - С.71-76.
4. Савин П.Н., Шабанов Л.В. Комплексная программа формирования толерантной компетентности профессиональных коммуникаторов// Сибирский психологический журнал. – Томск, 2004. - Выпуск 20. - С.51-57.
5. Шабанов Л.В. Ретроспектива, перспектива и транспектива концептуального подхода к молодежным неконформистским объединениям (МНКО), как к объекту социально-психологического исследования// Вестник Томского государственного университета. - Томск, 2005. – № 285 – С. 142-148.
6. Кабрин В.И., Савин П.Н., Частоколенко Я.Б., Шабанов Л.В. Исследование и развитие определенных качеств толерантности в тренинговых группах с различной степенью директивности// Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2005. - № 285 – С. 61-68.
7. Антропянская Л.Н., Шабанов Л.В. Единство и противоречия информатизации и гуманизации в сфере дистанционного образования// Известия Томского политехнического университета. - Томск, 2006. - №1. – С. 212-216.
8. Шабанов Л.В. Метафорическое моделирование социальных процессов и барьеры непонимания// Сибирский психологический журнал. – Томск, 2006. - Выпуск 23. - С. 63-66.
9. Шабанов Л.В. Суровцев В.А. Социализация в контексте культурной трансформации в России: самоопределение через потребление// Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2006. - №1. – С. 63-64.
10. Шабанов Л.В. Метафора смысла и адиафора отражения// Вестник Томского государственного университета. - Томск, 2006. – № 291 – С. 125-128.
11. Структурные характеристики молодежных неконформистских объединений: антиномия «порядок-хаос»// Вестник Новосибирского государственного университета. – Новосибирск, 2006. –Т.4. Вып.2 - С.105-111.

Монографии:

12. Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность? Монография. Томск: ТГУ, 2005. - 396 с.

Публикации в других научных изданиях:

13. Шабанов Л.В. Рок и неконформистские движения молодежи в СССР (1965-1987) // Природа. Общество. Человек. Томск: изд-во ТГУ, 1995. – С. 89.
14. Шабанов Л.В. Семилетние циклы борьбы с молодежным бунтом // Экономическая политика. Н-ск.: Изд-во НГУ, 1997. – С. 67-75.
15. Шабанов Л.В. Молодежная субкультура в России // Психологический универсум образования человека нозтического: Сборник статей – Томск: «Водолей», 1999. – С. 247-258.

16. Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. ТГУ, 2002. - 22 с.
17. Шабанов Л.В. Подвержены ли вы социальным страхам?// Профорентация и психологическая поддержка. Теория и практика: Материалы V региональной научно-практической конференции. / Науч. ред. Б.А. Разумов, С.А. Литвина. – Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2003. - С. 198-201.
18. Шабанов Л.В. Толерантность или игра в одни ворота. //«Мы» Научно-публицистический альманах. Томск. ТГУ, 2003. - С. 5-19.
19. Шабанов Л.В., Савин П.Н., Волковская Е.В., Еремишин А.В., Салимова М.С., Шуф В.Л. Исследование возможностей тренинговой программы формирования толерантных качеств личности. //«Мы» Научно-публицистический альманах. Томск. ТГУ, 2003. - С. 41-50.
20. Савин П.Н. Шабанов Л.В. Эпоха личного мифа.// Профорентация и психологическая поддержка. Теория и практика: Материалы V региональной научно-практической конференции. / Науч. ред. Б.А. Разумов, С.А. Литвина. – Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2003. - С. 183-185.
21. Рождественская Е.А., Шабанов Л.В. Социальная проблематика молодежной наркокультуры. // Профорентация и психологическая поддержка. Теория и практика: Материалы V региональной научно-практической конференции. / Науч. ред. Б.А. Разумов, С.А. Литвина. – Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2003. - С. 174-178.
22. Шабанов Л.В., Савин П.Н. Комплексная программа тренинговых упражнений формирования толерантных качеств личности профессиональных коммуникаторов//Учебно-методическое пособие. Томск: КЦ «Позитив», 2004. – 100 с. (Реферирована, как «Шабанов Л.В., Савин П.Н. Комплексная программа тренинговых упражнений формирования толерантных качеств личности коммуникаторов»)/Учебно-методическое пособие. Томск: КЦ «Позитив», 2004. – 43 с.
23. Шабанов Л.В. Савин П.Н. Некомпетентная толерантность в зеркале кризиса европейского гуманизма// «Мы». Научно-публицистический альманах. Томск: Томский государственный университет, 2004. - Вып.2. - С. 61-66. Дублирована в электронном приложении на CD как «Incompetent tolerance in the mirror of European humanism crisis». (with Savin P.N.) // “We are”. Scientific and publicistic almanac. (English version). Tomsk. Tomsk State University, 2004.
24. Шабанов Л.В., Савин П.Н. Самоопределение через потребление. Социализация в контексте культурной трансформации// Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность. Материалы Сибирского психологического форума (16–18 сентября 2004 г.) Томск, 2004. - С. 215-222. (дублирована в электронном приложении на CD).
25. Шабанов Л.В. Деструктивные религиозные культы и проблема коммуникативной экологии культуры. //Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе./ Под. ред. В.И. Кабрина и О.И. Муравьевой. – Томск: Томский государственный университет, 2004. - С. 202-215. (параграф в коллективной монографии).
26. Шабанов Л.В. Психология массовых коммуникаций (рабочая программа дисциплины) - Томск: ТГУ, 2004. – 11 с.
27. Савин П.Н., Шабанов Л.В. Анализ, интеграция и использование социально-психологического потенциала личной мифологии/ Профорентация и психологическая поддержка. Теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 28-29 сентября 2005 г. / Науч. ред. Б.А. Разумов. – Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2005. - С. 69-75.
28. Шабанов Л.В. От «союза сердец» к «войне полов» - между метафорой и адиафорой семьи// Вызов времени и православные традиции: материалы XV Духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия/ под ред. игумена Силуана (Вьюрова), проф. Т.А. Костюковой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2005. - С. 115-119.
29. Шабанов Л.В. Поведенческая атрибутивность как фактор деидентификации молодежной субкультурной среды. // Профорентация и психологическая поддержка. Теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 28-29 сентября 2005 г. / Науч.

- ред. Б.А. Разумов. – Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2005. – С. 230-234.
30. Шабанов Л.В., Савин П.Н. «Новая ментальность», или Зеркало современных отношений сквозь призму межпоколенных связей: прагматизм и толерантность// Американские исследования в Сибири. – Вып. 8. Материалы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири», Томск, 12-14 октября 2004 г. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2005. – С. 261-266.
31. Шабанов Л.В. Молодежное неконформистское объединение (МНКО): особенности взаимоотношения «ИНДИВИД - ГРУППА». «Психолог в структуре образования: калейдоскоп отношений»// Материалы научно-практической конференции (11-12 ноября 2005 г.). – Томск: ТГУ, 2005. – С.70-75.
32. Шабанов Л.В. Транспектива молодежного вопроса в России: опасные игры в круге Хомы // Изменения в обществе и классический университет: история и современность/ Проблемы психологического сопровождения изменений в классическом университете. – Томск, 2005. – С. 272-289 (параграф в коллективной монографии).
33. Шабанов Л.В. Признание тебе/ публикация, посвящённая К. Хорни// Вечерний Аугсбург// Die grosse kostenlose russischsprachige Zeitung fur Deutschland/ August, 2006 - С.20.
34. Шабанов Л.В., Антропянская Л.Н. Особенности развития дистанционного образования в современной ситуации (аспекты работы с молодыми магистрами)// Теория и практика инновационных стратегий региона// Межвузовский сборник научных трудов/ ГОУ ВПО «РГТУ» Кемеровский институт (филиал). – Кемерово, 2006. – Вып. 1. – С. 133-143.
35. Шабанов Л.В. Специфика коммуникаций в молодежной среде// Исследование социокультурной коммуникации. Универсализм и толерантность межкультурных отношений/ отчет о научно-исследовательской работе № 1.1.03 (раздел 1.4.) – Томск, 2005. – С. 24-39.
36. Шабанов Л.В. Малая группа и межличностные процессы// Учебно-методическое пособие. – Томск: ТГУ, 2006. – 26 с.
37. Шабанов Л.В. Структурно функциональное многообразие молодежных неконформистских субкультур (МНКО) в современном обществе: состояние вынужденной маргинальности и молодежная субкультура // Межвузовский сборник научных трудов/ ГОУ ВПО «РГТУ» Кемеровский институт (филиал). – Кемерово, 2006. – Вып. 1. – С. 203-218.
38. Шабанов Л.В., Савин П.Н. Новое поколение: позиция психолога в поле помогающих профессий// Исследование в области практической психологии/ совместный межвузовский информационный бюллетень (ТГУ, МГГУ, ТПУ), Томск, 2006. – С. 4-9.
39. Шабанов Л.В. Методологические компоненты обоснования изучения специфических характеристик молодежных субкультур// Исследование в области практической психологии/ совместный межвузовский информационный бюллетень (ТГУ, МГГУ, ТПУ), Томск, 2006. – С. 70-77.
40. Шабанов Л.В. Транспективный подход к молодежным неконформистским объединениям (МНКО), как к объекту социально-психологического исследования// Традиции и инновации в развитии правового и гражданского образования школьников: Материалы III межрегиональной научно-практической конференции. 10.XII.2006. – С. 40-46.
41. Шабанов Л.В. Социализация, Социальная адаптация, Инициация//Учебно-методическое пособие. – Томск: ТГУ, 2006. – 31 с.
42. Шабанов Л.В. Транспективный анализ дискурса эпох в культурно-историческом пространстве современной молодежи// Межкультурная коммуникация: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2006 - С. 239 – 250.
43. Шабанов Л.В., Гребенникова Е.В., Фирсова О.В., Вайвод Н.И. Социально-психологические характеристики субкультуры наркоманов с участием в ней социальных сирот и подростков из семей// Профилактика наркомании в образовательных учреждениях чувашской республики Всероссийская научно-практическая конференция. Москва – Чебоксары: Изд-во «Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева», 2006. – С. 218-226.

44. Шабанов Л.В. Молодежные субкультуры: универсализм и толерантность. Проблемы социализации активной молодежи// Социогуманитарные исследования: проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов. – Кемерово: Кемеровский институт (филиал) ГОУ ВПО «РГТЭУ», 2007. - С. 214-231.
45. Шабанов Л.В. Особенности и барьеры непонимания в процессах метафорического моделирования смыслов// Известия Томского политехнического университета. - Томск, 2007. - №2. – С. 230-235.
46. Шабанов Л.В. Социальная психология малых групп и внутригрупповые процессы//Учебно-методическое пособие. - Томск: ТГУ, 2007. - 28 с.
47. Шабанов Л.В. Структура коммуникативного поля молодежной субкультуры и анализ динамики перехода: молодежного неформального объединения (МНФО) в молодежное неконформистское объединение (МНКО)//Коммуникативное измерение в психологической антропологии. – Томск: ТГУ, 2007 – С. 31-52.

Формат: Список